

“Общество” как государственное установление. Социально-исторические аспекты российской государственной власти в XVIII веке*

Перевод: Майя Лавринович, Независимый исследователь

“Society” as a State Institution: Social-Political Aspects of the Administration System in Eighteenth-Century Russia

Translated by Maya Lavrinovich
Independent Researcher

<https://independentresearcher.academia.edu/MayaLavrinovich>

Abstract:

In 1966, Dietrich Geyer published an article on the subject of state-society relations in eighteenth-century Russia, which appeared again in 1975 in an updated form. Geyer placed Catherine II's reform policy in a European context and asked about the policy of absolute monarchies towards corporative structures and the conditions for the development of civil societies. In the Russian case, Catherine II created “societies” in the form of noble and urban corporations in order to expand provincial administration. According to Geyer's thesis, both the statist origins of these corporate estates and the connection between noble societies and provincial administration hindered the emergence of a dualism between state and society in Russian history.

Keywords:

Enlightened absolutism, Catherine II, estates, civil society, local administration, noble corporations, town corporations, legislation

---

Изучая исторические предпосылки для гражданского общества в России, ученый-историк попадает в весьма обширную сферу смежных проблем. К тому же, вскрывающиеся при их исследовании разногласия имеют собственную историю. Современная историография – за исключением советской – пришла, наконец, к достойному вниманию консенсусу: социальное устройство допетровской России никак не соответствовало социальному устройству Европы той эпохи. Во времена московского самодержавия обособленная от государственной сферы “сословность” так и не появилась на свет ни в городе, ни в провинции.¹ Созданные на корпоративных принципах общества, политические объединения не развились

---

* Перевод осуществлен по немецкому оригиналу: Dietrich Geyer, “‘Gesellschaft’ als staatliche Veranstaltung. Sozialgeschichtliche Aspekte des russischen Behördenstaats im 18. Jahrhundert,” in *Wirtschaft und Gesellschaft im vorrevolutionären Rußland*, ed. Dietrich Geyer (Cologne: Kiepenheuer & Witsch, 1975), 20–52. Статья является новой редакцией опубликованной в первый раз в 1966 г. статьи: Dietrich Geyer, “‘Gesellschaft’ als staatliche Veranstaltung. Bemerkungen zur Sozialgeschichte der russischen Staatsverwaltung im 18. Jahrhundert,” *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* [hereafter, *JGO*] 14 (1966): 21–50. Ссылки на исторические источники приводятся по изданиям на русском языке. Некоторые библиографические ссылки и примечания уточнены и расширены по сравнению с оригиналом.

¹ Günther Stökl, “Gab es im Moskauer Staat ‘Stände’?,” *JGO* 11 (1963): 321–342.

в Российской империи и после появления в самодержавии рационального элемента в эпоху абсолютизма. Государство и “общество” не разошлись в разные стороны. Даже дворянские и городские “общества,” вызванные к жизни Екатериной II, нельзя квалифицировать как “политические.” Российские общественные институты конца XVIII в. как искусственный продукт просвещенного деспотизма выдерживают только очень условное сравнение с сословным устройством Западной Европы. Они лишены как исторического значения, так и укорененности в российской провинциальной жизни. В своем обзоре, давшем импульс дальнейшим исследованиям, Дитрих Герхард показал, что сословный регионализм продолжал жить и дальше, в то время как российские общественное устройство и власть функционировали контрапунктическим образом; и этот контрастный фон сделал еще более ярким своеобразие учреждений старой Европы.²

При всем этом попытки дать какое-либо определение особым российским учреждениям почему-то неуверенны или остаются в пределах наблюдений другого рода. Это относится даже к советской исторической науке, которая в последнее время много и противоречиво дискутировала об “особенностях” российской социальной и экономической истории на материале абсолютизма.³ Разумеется, она не могла допустить применительно к России того, что вслед за Марксом и Энгельсом также и Макс Вебер описал как “восточный деспотизм” и что самих Плеханова и Ленина заставило подчеркнуть “азиатские” формы в социально-экономическом развитии самодержавной России.⁴ На размышления может навести то, что понятие “восточного деспотизма,” введенное Отто Хинтце в сравнительную историю государственного и правового устройства на рубеже XX в., распространялось им и на Россию XIX в.⁵ Эти старые тезисы вновь обосновал

² Dietrich Gerhard, “Regionalismus und ständisches Wesen als ein Grundthema europäischer Geschichte,” *Historische Zeitschrift* 174 (1952): 307–377. Ср. компаративные исследования и размышления Д. Герхарда о методологии в сборнике его статей: Dietrich Gerhard, *Alte und neue Welt in vergleichender Geschichtsbetrachtung* (Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1962); см. также изданный им сборник статей: Dietrich Gerhard, *Ständische Vertretungen in Europa im 17. und 18. Jahrhundert* (Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1969).

³ Мы не можем здесь подробно останавливаться на начавшейся в СССР после выхода в 1964 г. в Москве сборника, посвященного Б. Б. Кафенгаузу, дискуссии об абсолютизме: *Абсолютизм в России (XVII – XVIII вв.). Сборник статей.* Под ред. Н. М. Дружинина и др. (Москва: Наука, 1964). (*Absolutizm v Rossii (XVII – XVIII vv.). Sbornik statei.* Pod red. N. M. Druzhinina et al. (Moscow: Nauka, 1964)). Сориентироваться в этом вопросе могут помочь сообщения Х.-Й. Торке: Hans-Joachim Torke, “Die neuere Sowjethistoriographie zum Problem des russischen Absolutismus,” *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte* 20 (1973): 113–133; Hans-Joachim Torke, “Die Entwicklung des Absolutismus-Problems in der sowjetischen Historiographie seit 1917,” *JGO* 21 (1973): 493–508. Ср. также: Alexander Gerschenkron, “Soviet Marxism and Absolutism,” *Slavic Review* 30 (1971): 853–869. Прежде всего сравнительные аспекты советской дискуссии разработал восточногерманский историк В. Кюттлер в достаточно информативном обзоре: Wolfgang Küttler, “Geschichtliche Voraussetzungen und Entwicklungstyp des Absolutismus in Rußland,” *Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas* 13 (1969): 71–108; далее: Peter Hoffmann, “Entwicklungsetappen und Besonderheiten des Absolutismus in Rußland,” *Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas* 14 (1970): 107–133.

⁴ Samuel H. Baron, “Plekhanov’s Russia: The Impact of the West upon an ‘Oriental Society’,” *Journal of the History of Ideas* XIX (1968): 388–404; Ю. З. Половой, “Г. В. Плеханов о восточном деспотизме,” *Народы Азии и Африки* 2 (1967): 73–80. (Iu. Z. Polovoi, “G.V. Plekhanov o vostochnom despotizme,” *Narody Azii i Afriki* 2 (1967): 73–80).

⁵ Otto Hintze, “Staatenbildung und Verfassungsentwicklung. Eine historisch-politische Studie,” *Historische Zeitschrift* 88 (1902): 1–21; Otto Hintze, *Staat und Verfassung: Gesammelte Abhandlungen zur*

Карл Август Виттфогель в нынешней дискуссии, исключив общий ход истории России – от эпохи монгольского ига до советского периода – из европейской истории.⁶ Состояние современных исследований не позволяет, однако, и далее соглашаться с таким глубоким обособлением российской социальной и государственной истории, тем более что нельзя не признать мощного движения России по направлению к общеевропейским формам в XIX в. Освобождение крестьян и общественные последствия “буржуазных реформ” и промышленно-капиталистической трансформации придали этому направлению движения значение европейской проблемы.⁷ Отсюда следует новая постановка вопроса в компаративном ключе: при каких условиях и с какими присущими ей особенностями Россия вступила в европейский процесс эмансипации гражданского общества?

*

Одно наблюдение могло бы нам помочь. Оно принимает во внимание факт, значимость которого подчеркивают последние работы по социальной истории Германии. При детальном историческом исследовании обнаруживается, что не только Французская революция и последовавшие за ней “выхлопы,” но еще и предшествовавший ей абсолютизм, особенно в его “просвещенной” форме, подготовил эмансипацию нового общества вторгаясь с помощью государственного управления в изолированный мир дворянской власти и городских общин через “благочиние” (“*gute Policey*”) и публичный суд, регулируя крестьянские повинности, ослабляя запрет на внецеховое ремесло и стремясь поставить всех подданных в распоряжение государства для его нужд.⁸ В эпоху Просвещения “общее благо,” которое ранее представляла абсолютная монаршая власть, все больше приобретало “гражданскую” окраску. Однако эта субординация сословий и их корпоративных институтов по отношению к государству Нового времени и его управлению все же почти в полном объеме

---

allgemeinen Verfassungsgeschichte, ed. Gerhard Oestreich, 2. erweiterte Aufl. (Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 196), 34–51, особ. 41 и далее.

⁶ Karl August Wittfogel, *Die Orientalische Despotie* (Deutsche Ausg.) (Cologne/Berlin: Kiepenheuer & Witsch 1962), особ. 234 и далее и 424 и далее. К этой же дискуссии: Pierre Vidal-Naquet, “Histoire et idéologie: Karl Wittfogel et le concept de ‘Mode de production asiatique,’” *Annales: économies, sociétés, civilisations* 19 (1964): 531–549; Z. R. Dittrich, “Wittfogel and Russia: On the Origins of Russian Autocracy,” *Acta Historiae Neerlandica* (1966): 53–66; М. П. Павлова-Сильванская, “Зарубежные критики о книге К. Витфогеля ‘Восточный деспотизм,’” *Народы Азии и Африки* 2 (1971): 157 и далее. (М. P. Pavlova-Sil’vanskaia, “Zarubezhnye kritiki o knige K. Vitfogelia ‘Vostochnyi despotizm,’” *Narody Azii i Afriki* 2 (1971): 157 et seq.).

⁷ Ср. особ. другие статьи данного сборника: *Wirtschaft und Gesellschaft im vorrevolutionären Rußland*, ed. Dietrich Geyer (Cologne: Kiepenheuer & Witsch, 1975), 166 и далее.

⁸ Зд. в особенности: Reinhart Koselleck, “Staat und Gesellschaft in Preußen, 1815-1848,” in *Staat und Gesellschaft im deutschen Vormärz 1815-1848. Sieben Beiträge von Theodor Schieder u.a.*, Werner Conze (Stuttgart: Klett-Cotta, 1962), 79–112. Значение прусского государства, давшего импульсы для изменения социального устройства, подчеркнуто в заостренной формулировке: “гражданское общество” как административный продукт. Ср. появившуюся недавно большую работу этого же автора: *Preußen zwischen Reform und Revolution: Allgemeines Landrecht, Verwaltung und soziale Bewegung von 1791 bis 1848* (Stuttgart: dtv Verlagsgesellschaft, 1967). – Кроме того, см. так же увлекательную, как и острую критику прусской бюрократии Ханса Розенберга: Hans Rosenberg, *Bureaucracy, Aristocracy, and Autocracy: The Prussian Experience, 1660-1815* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1958).

сохраняла сословную форму организации общества на исходе XVIII в. Не только государственный чиновник – чужак, который приезжал в деревню, чтобы сбалансировать провинциальные интересы с государственными, – но и сословные объединения стали со всей очевидностью неотъемлемыми частями абсолютизма как институты, транслирующие волю [“приводные ремни”] регулярного государства. Сохранив деполитизированные сословные объединения и преобразовав сословные учреждения в государственные, власть создала себе вполне пригодную базу, на которой могла основываться система местного управления.⁹ Прежде всего, это отчетливо видно на примере Пруссии: сословные корпорации, теперь “государственные установления,” подобно фундаменту, придавали устойчивость этому государству. *Всеобщее прусское уложение* (1791 г.) и *Прусское всеобщее земское право* (1794 г.) говорят о “сословиях государства” (“*Ständen des Staates*”), из которых создается гражданское общество.

Не вызывает сомнения, что в России эти отношения строились иначе. Петру Великому, прививавшему Московскому царству регулярные войско и управление, отсутствие в России общественного строя, сравнимого со старым сословным устройством Европы, казалось, возможно, ее преимуществом.¹⁰ Хотя царь возобновил действие немецкого сословного права для рыцарства и сословий в Лифляндии и Эстляндии и гарантировал их соблюдение в капитуляциях, мотивы, которыми он руководствовался при этом, вряд ли были значимы для самой России. Если Петр все же опробовал некоторые из подобных моделей на русской почве, это не означало, что он стремился заменить централизованную власть модернизированного самодержавия лифляндским земским устройством (“*Landesstaat*”). Московское родовое дворянство слилось с широким слоем подданных, только что получивших дворянство, а потом было и вовсе подчинено современному принципу заслуг перед государством и принуждено нести привилегию пожизненной службы в особо жесткой форме. Уравненное в своей среде “шляхетство” не могло и не желало добиваться своих корпоративных прав у монарха. Даже в московских событиях 1730 г. проблема региональной организации дворянства, отделенной от государственной службы, еще не возникала, а рассуждения о “конституционном движении” в широких слоях дворянства приводят к непониманию проблемы.¹¹

Наверное, можно сказать, что тенденция к заимствованию иностранных примеров сословной организации в слоях российских подданных отсутствовала потому, что требования абсолютизма Нового времени на самом деле не были противоположны традиционному общественному устройству. В конце концов, Петр изменил это устройство лишь поверхностно. Возникшее в Московской Руси

⁹ Hintze, *Staatenbildung und Verfassungsentwicklung*, 49.

¹⁰ См. зд. и далее о Петре Великом и его времени: Reinhard Wittram, *Peter I. Czar und Kaiser. Zur Geschichte Peters des Großen in seiner Zeit*. vol. 1-2. (Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1964); об истории учреждений: Erik Amburger, *Geschichte der russischen Behördenorganisation von Peter dem Großen bis 1917* (Leiden: Brill, 1966).

¹¹ Наряду с насыщенным размышлениями трудом Хедвига Флайшхакера (Hedwig Fleischhacker, “1730. Das Nachspiel der petrinischen Reform,” *JGO* 6 (1941): 201–71) по вопросу о критике источников ср.: Г. А. Протасов, “Записка Татищева о произвольном рассуждении дворянства в событиях 1730 г.,” *Проблемы источниковедения* вып. 11 (1963): 237–265. (G. A. Protasov, “Zapiska Tatishcheva o ‘proizvol’nom rassuzhdenii dvorianstva v sobytiakh 1730 g.,” *Problemy istochnikovedeniia*, вып. 11 (1963): 237–265).

понятие о государстве поддавалось “без труда переводу на язык новой Европы.”¹² Понятие “общество,” однако, не передавалось традицией. Даже в окружении Петра, где оказалось, что “естественный разум” мог сформулировать самые актуальные вопросы, где, помня о выборе царя в 1613 г., считали, что “преславно ныне процветшая Монархия Всероссийская” имела свое происхождение “в первоначальной согласии” народа, ход мысли возвращал к “естественному” и божественному обоснованию самодержавия: “сам бо народ добротным своим повиновением являет на тое преклоненную волю свою;” “воля народа,” впрочем, “направлялась не без собственного смотра Божия.”¹³

Представляется, однако, что в последние годы правления царь-реформатору стало ясно, что перманентные неудачи его дорогостоящих экспериментов в области государственного управления изначально связаны с отсутствием организованного общества и дворянских объединений в провинции, а также способных функционировать городских общинных объединений. Действительно, между слаборазвитостью провинциального общества и функциональной слабостью нового государства существовала внутренняя связь. Хотя абсолютизм петровской эпохи был избавлен от борьбы с “исконным правом” сословного политического устройства, он был таким образом лишен и тех общественных энергии и опыта, которые на Западе могла поставить себе на службу его целям государственная административная власть нового типа. Признав, очевидно, эту взаимозависимость, царь с помощью жестоких мер старался, возможно, воспитать в дворянстве и купечестве корпоративную внутрисословную ответственность – для “общего блага,” которое для него соответствовало благу всего государства. Однако об успехе подобных образований всерьез нельзя было думать. В условиях, когда дворянство выступало лишь как одна из категорий в государственных ведомостях, местная администрация не могла развиваться в коллегиальных формах, провозглашенных Петром, с “ландратами” и “президентами.” “Общество,” выдуманное с целью набора рекрутов и несения общей ответственности, еще невозможно было создать “указами,” не говоря уже о том, чтобы стимулировать самостоятельную активность корпораций. Благородный, приведенный на выборы под ружьем, был заслуживающим внимания продуктом этой системы.

С отсутствием сословных корпораций был связан еще и второй не менее важный недостаток, который вдвое усиливал этот изъян: невозможность для государства сформировать из служилых классов и фискальных объединений крепкий чиновничий аппарат, который отвечал бы как его собственным, так и общественным нуждам. Это явление часто объясняется печально известной нехваткой людей на далеких, еще не освоенных территориях. Малолюдство,

---

¹² Wittram, *Peter I. Czar und Kaiser*, vol. 2: 123. О терминологии официального языка ср.: Friedhelm Berthold Kaiser, “Der europäische Anteil an der russischen Rechtsterminologie der petrinischen Zeit,” *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte* 10 (1965): 75–333.

¹³ Феофан Прокопович, “Правда воли монаршей,” в *Полное собрание законов Российской империи* (далее: *ПСЗ РИ*), т. 7 (Санкт-Петербург: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830): 624 (no. 4870). (Feofan Prokopovich, “Pravda voli monarshei,” v *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* (hereafter, *PSZ RI*), t. 7 (St. Petersburg: Tip. II Otdeleniia Sobstveni i Ego Imperatorskago Velichestva Kantseliarii, 1830): 624 (no. 4870)). Ср. также: Nikolaj N. Alexeiev, “Beiträge zur Geschichte des russischen Absolutismus im 18. Jahrhundert,” *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte* 6 (1958): 7–81.

однако, не было единственной причиной слаборазвитости и некачественности чиновничьего аппарата. Не меньшее значение имело жесткое закрепление петровской организации дворян в Табели о рангах, основанной на военной службе. Продвижение по службе, уважение дворяне заслуживали, как правило, не в канцеляриях, но в полках, особенно в гвардии. Сам принцип заслуги проявился прежде всего в армии. Отсюда становится понятным, что в России гражданская служба в XVIII в. не приобрела собственной репутации, тем более – служба в провинциальных канцеляриях, где занимали места чины в мундирах. Возвращение от петровских коллегиальных институтов к старомосковской системе воевод отвечало требованиям времени.¹⁴ Это началось уже в 1727 г., через два года после смерти царя-реформатора. Этот, так сказать, “допетровский” порядок управления сохранялся в послепетровское время, до 1775 г., когда, наконец, Екатерина решилась на реформирование местных учреждений на основе новых принципов. Фигуре воеводы, возникшей еще раз в XVIII в., не было суждено привести в совершенство государственный абсолютизм в России.

Чтобы примирить фискальные и полицейские интересы с таким институтом крепостного права, как подушная подать, и с потребностями провинции, если таковые тогда вообще определились, требовались иные учреждения. В жалко обставленные канцелярии были пересажены повсеместно не штатские чиновники, делавшие карьеру, но в большинстве случаев поседевшие и израненные в боях обер-офицеры, изрядно потрепанные отставные военные, так и оставшиеся бы неустроенными, если бы не жалования и “акциденции.” Умение соблюсти частные интересы на службе в официальных учреждениях принадлежало к основным принципам этой системы управления, напрасно пытавшейся утвердиться на местах. Вероятно, чреватым самыми тяжелыми последствиями для нее было отсутствие связей между властями в провинции и населением, подчиненным этим учреждениям. Лучше всего эти отношения описал видный русский историк Юрий Готье.¹⁵ В течение 1740–1766 гг. действовало правило, согласно которому воевода не имел права собственности на подведомственной ему территории; кроме того, начиная с 1730 г., он не мог оставаться на своей должности более двух лет. За подобными предписаниями стояли добрые намерения: таким образом правительство надеялось контролировать самотек возникновения доходных мест, обогащение и злоупотребления служебным положением. Однако быстрая смена воевод отняла чувство устойчивости у чиновников и только усилила внутреннюю отчужденность маленьких властелинов в пределах своей территории,

¹⁴ Основополагающей работой о петровских реформах провинциальной администрации остается: М. М. Богословский, *Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719-1727 гг.* (Москва: Университетская типография, 1902). (M. M. Bogoslovskii, *Oblastnaia reforma Petra Velikogo. Provintsiia 1719-1727 gg.* (Moscow: Universitetskaia tipografiia, 1902)).

¹⁵ Ю. В. Готье, *История областного управления в России от Петра I до Екатерины II*, т. 1 (Москва: Издание Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете, 1913; Ю. В. Готье, *История областного управления в России от Петра I до Екатерины II*, т. 2. (Москва-Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР: 1941). (Iu. V. Got'e, *Istoriia oblastnogo upravleniia v Rossii ot Petra do Ekateriny II*. t. 1. (Moscow. Izdanie imperatorskogo obshchestva istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete, 1914); Iu. V. Got'e, *Istoriia oblastnogo upravleniia v Rossii ot Petra do Ekateriny II*, t. 2. (Moscow-Leningrad: Izd-vo Akad. Nauk SSSR: 1941)).

потребности и нужды населения которой были им чужды и редко представляли для них интерес.

Вряд ли можно подвергнуть сомнению то, что прогресс государственного устройства, совершенствование государственного абсолютизма зависели от прогресса социального устройства в направлении сословно-корпоративном. И это тем более, что иначе немисливо было создать чиновнический аппарат на огромных, часто отдаленных территориях громадной империи, который удовлетворял бы растущие потребности государства в провинции. Пока было невозможно привязать местные и сословные интересы к государственной администрации в провинции, нельзя было рассчитывать на то, чтобы благородный человек стремился добиться престижа и авторитета в местных учреждениях и сопротивлялся бы карьере в армии или в столицах. Российское самодержавие вынуждено было поэтому навестывать тот опыт, который история предоставила абсолютизму на Западе. Для него было очень важно получить себе в распоряжение “общество” путем создания сословных объединений, социальных институтов, которые были бы способны выполнять функцию государственных органов снизу, в провинциях и уездах. Это зависело прежде всего от организации дворянства.

*

Государственное строительство через создание провинциального общества в России не было чем-то само собой разумеющимся. В середине XVIII в. дворянство, как и прежде, удерживалось государством в традиционных формах принудительной службы, а полковая субординация была единственной формой организации этого класса. Неслужащего дворянина сложно еще было представить, не говоря уже о дворянском “обществе” в стороне от службы. В довершение, у русских городов все еще отсутствовала “коммунальная физиономия,” – даже в важных торговых местах, где административное назначение “города” как места расположения управленческого аппарата скрывалось за товарными складами и гостинными дворами, приезжими крестьянскими торговцами и ремесленниками.¹⁶ Если городские магистраты и купеческие гильдии кое-где и получили возможность функционирования благодаря петровским указам, то, скорее, в интересах их самих, а не населения, которое могло бы выступать в городской общинной жизни как “гражданство.”

---

¹⁶ Труд И. И. Дитятина *Устройство и управление городов России*, т. 1–2 (Санкт-Петербург: Тип. П. П. Меркульева, 1875–1877. (I. I. Ditiatin, *Ustroistvo i upravlenie gorodov Rossii*, t. 1–2 (St. Petersburg: Tip. P. P. Merkul'eva, 1875–1877)), хотя и устаревший и по источниковой базе, и по методологии, однако до сих пор незаменим. Советские исследования в последнее время уделяют много внимания экономической истории русского города: П. Г. Рындзюнский, *Городское гражданство дореформенной России* (Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1958). (P. G. Ryndziunskii, *Gorodskoe grazhdanstvo doreformennoi Rossii* (Moscow: Izd-vo Akad. Nauk SSSR, 1958)). Об этом прежде всего: Ю. Р. Клокман, *Очерки социально-экономической истории городов Северо-запада России в середине XVIII века* (Москва: Изд-во Акад. наук СССР. Ин-т истории, 1960); Ю. Р. Клокман, “Город в законодательстве русского абсолютизма во второй половине XVII–XVIII вв.” в *Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.)*, 320–354; Ю. Р. Клокман, *Социально-экономическая история русского города: Вторая половина XVIII века* (Москва: Наука, 1964). (Iu. R. Klokman, *Ocherki sotsial'no-ekonomicheskoi istorii gorodov Severo-zapada Rossii v seredine XVIII veka* (Moscow: Izd-vo Akad. Nauk SSSR. In-t istorii, 1960); Iu. R. Klokman, *Absolutizm v Rossii (XVII–XVIII vv.)*, 320–354; Iu. R. Klokman, *Sotsial'no-ekonomicheskaiia istoriia russkogo goroda: Vtoraia polovina XVIII veka* (Moscow: Nauka, 1964)).

Посадские общины (их внутренняя структура была изучена историком-либералом А. А. Кизеветтером в большой монографии, основанной на архивных материалах),¹⁷ установленные для удобства казенных сборов, ничем не компенсировали отсутствия самостоятельных коммунальных объединений. Также не заметно, чтобы в этом отношении существенно изменили что-нибудь достойные внимания экономические инициативы графа Петра Ивановича Шувалова в царствование императрицы Елизаветы. Развертывание купеческого предпринимательства, которое правительство поддерживало в рамках новой экономической науки, учения о полиции и камерализма, без сомнения, пошли на пользу купечеству и придали более четкие очертания понятию “фабрикант” с подъемом недворянской мануфактуры. Этому же способствовало ослабление государственной монополии на торговлю, отмена внутренних таможен и развитие кредитного и вексельного права. Однако показательно, что инициативы Шувалова по реорганизации социальных отношений в городе, изложенные в Уложенной Комиссии и Комиссии о коммерции в конце 1750-х гг., так и остались на бумаге.¹⁸ Русские города не имели собственной силы, способной создать общество.

Несравненно более четко особые условия, при которых в России могло появиться “общество,” видны в социальной истории дворянства.¹⁹ Подписанный в конце 1736 г. императрицей Анной Иоанновной Высочайший манифест давал дворянину возможность просить о милости отставки после 25 лет службы – “для лучшей государственной пользы и содержания шляхетских домов и деревень.”²⁰ Хотя это распоряжение выросло из обычной, пусть и совершенно не поддающейся оценке практики Военной коллегии времен Петра – увольнения в отпуск, – здесь,

¹⁷ А. А. Кизеветтер, *Посадская община в России XVIII ст.* (Москва: Университетская типография, 1903). (A. A. Kizevetter, *Posadskaia obshchina v Rossii XVIII st.* (Moscow: Universitetskaia tipografiia, 1903)).

¹⁸ Разъяснения по этому вопросу можно найти в следующей работе: Н. Л. Рубинштейн, “Уложенная Комиссия 1754-1766 гг. и ее проект нового уложения ‘О состоянии подданных вообще,’” *Исторические записки* вып. 38 (1951): 208–251. (N. L. Rubinshtein, “Ulozhennaia Komissiiia 1754-1766 gg. i ee proekt novogo ulozheniia ‘O sostoianii poddannyykh voobshche,’” *Istoricheskie zapiski* вып. 38 (1951): 208–251); ср. также изданный С. О. Шмидтом материал: “Проект П. И. Шувалова 1754 г. ‘О разных государственной пользы способах,’” *Исторический архив* 6 (1962): 100–118. (S. O. Shmidt, “Proekt P.I. Shuvalova 1754 g. ‘O raznykh gosudarstvennoi pol’zy sposobakh,’” *Istoricheskii arkhiv* 6 (1962): 100–118); об этом же: М. Я. Волков, “Отмена внутренних таможен,” *История СССР* 2 (1957): 78–95. (M. Ia. Volkov, “Otmena vnutrennikh tamozhen,” *Istoriia SSSR* 2 (1957): 78–95).

¹⁹ Материалы Полного собрания законов Российской империи по этой проблеме приводятся в работе: А. Романович-Славатинский, *Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. Свод материала и приуготовительные этюды для исторического исследования* (Санкт-Петербург: Типография Министерства внутренних дел, 1870). (A. Romanovich-Slavatinskii, *Dvorianstvo v Rossii ot nachala XVIII veka do otmeny krepostnogo prava. Svod materiala i priugotovitel’nye etiudy dlia istoricheskogo issledovaniia* (St. Petersburg: Tipografiia Ministerstva vnutrennikh del, 1870)). Попытку сравнительной классификации русского дворянства предпринял в своей статье Карл-Хайнц Руффманн, приведя множество примеров: Karl-Heinz Ruffmann, “Russischer Adel als Sondertypus der europäischen Adelswelt,” *JGO* 9 (1961): 161–78. По истории идей и социальной психологии русского дворянства XVIII в. ср. богатый мыслями труд: Marc Raeff, *Origins of the Russian Intelligentsia. The Eighteenth-Century Nobility* (New York: Harcourt, Brace & World, 1966); см. также неудачную критику этой работы: Michael Confino, “Histoire et psychologie: A propos de la noblesse russe au XVIIIe siècle,” *Annales: économies, sociétés, civilisations* 22 (1967): 1163–1205.

²⁰ *ПСЗ РИ*, т. 9, № 7142. (*PSZ RI*, t. 9, no. 7142).

тем не менее, впервые проглядывает тенденция, которая приобрела впоследствии значение для социальных изменений в классе русского дворянства. Оказалось, что была все же возможность примирить “партикулярные” желания служащих дворян – владельцев земель и душ – с представлениями о государственном интересе. Исследователю, который будет изучать возможности такого баланса, следует обдумать связующую функцию системы крепостного права, из которой государство тянуло подати и рекрутов, а помещики – доходы и состояния. Для дворянства имело значение свести к минимуму свои служебные обязанности, получить правовую защиту и ослабить жесткое налоговое бремя, но прежде всего – поправить жалкое состояние своих поместий. Растущему самосознанию русского дворянства, которое училось мерить себя по стандартам европейского дворянского мира, должно было претить, что суровые уголовные законы той эпохи не делали исключения для благородных людей ни в пытках и наказании кнутом, ни в конфискации имущества. С другой стороны, неустойчивость на вершине государственной власти и расстроены за время длительных войн финансы заставили носителей высшей государственной власти задуматься, как согласовать их политику с частными интересами дворянства.

Действительно, полицейские и фискальные устремления самодержавия могли реализоваться в частных интересах владельцев земли. Высшая власть, освободив дворянина от службы, переместила его из полка в деревню, чтобы он и там, в своей частной сфере, нес государственную службу: как помещик, как полицмейстер и ответственный собиратель налогов, как местный посредник по отношению к крепостным ревизским душам. В условиях крепостного права власть помещика (больше, чем в любом другом случае) имела и административное значение: укрепить ее означало помочь государству преодолеть свою слабость в отсталой провинции. Поэтому нельзя было ожидать, что фигура неслужащего дворянина-землевладельца, первые контуры которой проявились с ограничением срока службы, когда-нибудь полностью отделится от государства. Эта связь дворянской частной жизни и управления государством является квинтэссенцией крепостного порядка. Растущее укрепление власти помещиков в XVIII в. имело здесь свои основания, являясь элементом государственного строительства, в итоге – тем средством на пути к “дворянским обществам” времен Екатерины, желавшим перенести русское понятие “общество” из теоретических трактатов о государстве эпохи Просвещения в действительность русской провинции. Сохранение и объединение интересов абсолютизма и партикулярных интересов неслужащего поместного дворянства, выраженных в институте крепостного права, стало впредь принадлежностью “ratio” устанавливаемого государством “общества.”

В долгих совещаниях елизаветинской Уложенной Комиссии, где обсуждалось фиксирование прав подданных в “фундаментальных законах,” речи о “дворянском обществе” еще, конечно, не шло, но уже получили новое значение понятия дворянской “вольности и свободы.” В своей статье, весьма новаторской по сравнению с прежними работами по этому вопросу, Н. Л. Рубинштейн проследил перипетии слушаний в Уложенной Комиссии.²¹ Сначала, до осени 1760 г., проекты кодекса “О состоянии подданных вообще” носили печать той

---

²¹ Рубинштейн, “Уложенная Комиссия 1754-1766 гг.,” 221 и далее. (Rubinshtein, “Ulozhennaia Komissia 1754-1766 gg.,” 221 et seq.).

социально-экономической мысли, реализации которой хотел содействовать граф П. И. Шувалов. Он попробовал отделить друг от друга задачи и области жизни дворянства и городских классов и навести порядок в местах их соприкосновения, а там, где сталкивались интересы дворянства и купечества, – побудить их действовать для общего блага в ограниченных и отмеренных для каждого рамках. Охватить и ту, и другую сферу могло государство, но не область частного права. Стремление дать преимущество гражданским привилегиям дворянства за счет купечества усилилось только после того, как граф [Р. И.] Воронцов вмешался в работу Комиссии. Никогда прежде помещичье хозяйство не оказывалось настолько непосредственно под влиянием принципов римского права. Теперь дворянам открылись иные, по сравнению с проектами Шувалова, горизонты “новой свободы”: впредь готовность заслужить себе репутацию и проявить характер на службе должно было быть отдано во власть решения самого дворянина. Инфантильный император Петр III дал эту милость “всему российскому дворянству” 18 февраля 1762 г., в беспокойные дни своего короткого царствования.²²

Этот знаменитый манифест, расширивший простое облегчение службы манифестом 1736 г. до “фундаментального и неперемного правила [...] на вечныя времена,” весь, вплоть до формулировок, вышел из материалов Уложенной Комиссии. И действительно, этот документ о высочайшей милости имеет фундаментальное значение, – но, конечно, иное, чем принято у тех, кто еще продолжает обвинять в том, что 18 февраля 1762 г. глупый монарх своей низкой страстью разрушил нравственную легитимацию петровской формулы служилого класса. У историка нет никакого повода верить тем чувствам, которые новгородский архиепископ выразил в “Праздничной благодарственной речи” по поводу свержения Петра III: “Внутренности государственного тела пришли в беспорядок, а согласие в государстве лежит в постели больное.” Иерарх, задетый за живое отнятием монастырских и церковных имений, видел в дворянской свободе, включая разрешение поездок за границу, “несчастье России.”²³ Однако Манифест следует понимать не в сентиментальном, а в историческом смысле: он полностью отвечал государственным интересам российского абсолютизма. Это “*passee-partout* на ничегонеделание”²⁴ не только положило начало много раз описанному “золотому веку” себялюбивого, привилегированного “leisure class” (праздного класса). Благодаря ему стала возможна фигура частного человека-дворянина, и таким образом одновременно созданы условия для того, чтобы принадлежавшие к классу владевших земель и душами поданные могли теперь устраивать свои собрания и вне полков. В каждой строчке Манифеста видно, что речь не шла о том, чтобы действительно освободить дворянство – “главный член государства,” а о том, чтобы прикрепить его к государству еще и с помощью современных понятий о чести и добродетели. Дворянство и при новой “свободе”

²² “О даровании вольности и свободы всему Российскому дворянству,” в *ПСЗ РИ*, т. 15, № 1444. (“O darovanií vol'nosti i svobody vsemu Rossiiskomu dvorianstvu,” v *PSZ RI*, t. 15, no. 1444).

²³ *Feyerliche Danck-Rede des hochwürdigsten Ertz-Bischoffens von Gross-Novgorod [Setchin] auf die Abthronung Peters des dritten Czaars in Russland [...] den [...] 9 Julius des neuen Stils 1762 gesprochen, und aus dem Griechischen in die deutsche Sprache übersetzt, von Czsar Jelim Ivanowiz* (Smolensk, 1762), 31. Данное издание на русском языке не найдено (прим. перев.).

²⁴ Hedwig Fleischhacker, “Porträt Peters III.,” *JGO* 5 (1957): 127–89, зд. 161. Ср.: Marc Raeff, “The Domestic Policies of Peter III and his Overthrow,” *American Historical Review* 75 (1970): 1289–1310.

должно было оставаться в распоряжении государства. Этот освободительный эдикт важен не столько для понимания психологии Петра III, сколько для социальной истории российского государственного управления: абсолютизм в России осознавал, что должен создать государству более крепкий фундамент на местах с помощью класса помещиков. Только тогда и можно взвешенно решать, как, опираясь на крепостное право, учредить дворянское “общество” в губерниях и уездах и включить его в систему государственного управления.

*

Екатерина принялась за все сразу: устройство государственных учреждений и законодательство о подданных, организацию полиции в провинции и регулирование “сословного права.” Предметом забот императрицы стали слабость местной администрации и разрушенное при Петре III устройство служилого класса. И то, и другое соединялось для нее в единую проблему и стало по-новому очевидным в понятиях просвещенной эпохи. Однако устроить все по-новому со стремительного разбега узурпаторше не удалось. Первое десятилетие своего правления Екатерина вынуждена была принимать во внимание неустойчивость своей власти. После 1768 г. русско-турецкая война и значительные европейские дела отнимали у императрицы много энергии. До 1775 г. ее меры в области местной администрации не выходили за рамки принятой практики управления. Ни новые штаты, утвержденные указом 15 декабря 1763 г., ни многословное “Наставление губернаторам” 21 апреля 1764 г. не привели к преобразованиям в провинциальной администрации, но стали робкой попыткой подступиться на основе рационализма экономической науки к старой системе воеводского управления и канцелярий и тому вреду, который она наносила.²⁵ Существовавшим с 20-х гг. XVIII в. учреждениям следовало придать более четкие формы, улучшить их снабжение, но не преобразовывать их. Институт губернаторов, обязанных заботиться о доверенной каждому огромной территории как “глава и хозяин,” как настоящий “опекун,” хотя и под высочайшим надзором, имел целью, как и раньше, физическое продление самодержавной власти, а не интеграцию региональных и сословных интересов в государственное управление. Это была система минимальной помощи с капелькой просвещенной справедливости и человеколюбия, которую Екатерина в первое десятилетие своего правления в состоянии была доверить ветхому аппарату власти, начинавшемуся сразу за пределами столиц. Бумаги новгородского губернатора Якоба Иоганна Сиверса, управлявшего в 1764-1781 гг. территорией, которая в три раза превосходила по площади дореволюционную Францию, показывают, что состояние местного управления действительно было жалким.²⁶

Сомнения в способности дальнейшего развития старых административных учреждений появились у Екатерины еще в самом начале ее правления. При этом следовало принять во внимание прежде всего ту изменившуюся ситуацию, в

---

²⁵ *ПСЗ РИ*, т. 16, № 11982, 11988, 11991, 12137. (*PSZ RI*, t. 16, nos. 11982, 11988, 11991, 12137).

²⁶ Carl Ludwig Blum, *Ein russischer Staatsmann. Des Grafen Jakob Johann Sievers Denkwürdigkeiten zur Geschichte Rußlands*, vol. 1 (Leipzig, Heidelberg: C. Winter Verlag, 1857), 159 и далее. Для сравнения российского и французского управления в XVIII в. см.: John A. Armstrong, “Old-Regime Governors: Bureaucratic and Patrimonial Attributes,” *Comparative Studies in Society and History* 14 (1972): 2–29.

которой оказалось дворянство после 1762 г. В источниках, к сожалению, нет подробных сведений о масштабах ухода с государственной службы. Если, однако, широкий слой служилого дворянства в силу новой “вольности” все же отделился от государства, если эти частные лица обратились к “дворянской провинциальной и сельской жизни,” в основе которой лежала только партикулярная сфера помещичьего хозяйства, тогда правительство должно было столкнуться с целой серией новых проблем. Была ли вообще пережившая себя система воеводского управления способна взять под полицейский административный надзор дворян-помещиков? Не было ли это, наоборот, поводом, чтобы при радикальном преобразовании системы управления использовать это едва освобожденное сословие для усиления государственных институтов и вернуть неслужащее дворянство в сферу службы, но на этот раз местной? Десятилетие пролежало предложение графа Шувалова о создании второго эшелона власти на основе системы комиссаров из дворян, живших в провинции, и распространения ее вплоть до уездов для исправления кричащих недостатков местного управления.²⁷ Подобный ренессанс петровских учреждений теперь, когда дворяне получили свободу селиться в своих поместьях, мог неожиданно стать актуальным.

Однако и дворянам после 1762 г. главные недостатки управления, которые сами могли бы стать многообещающим предметом исследования стали представляться иначе. Тот, кто решил поехать жить помещиком в деревню, даже не претендуя на многое, оказывался перемещенным из центров государственной жизни, из мира относительно просвещенных форм и понятий, в “варварство” крестьянской России, ближе к “дикому полю” исполнителей былин, чем великолепию и блеску резиденций, придворных балов и гвардейских парадов, вдалеке от тех сфер, где, в соответствии с дворянским достоинством, можно было более или менее сносно жить. В дворянской провинциальной жизни было мало привлекательного, и все, у кого было достаточно дохода, чтобы содержать дом в губернском городе, тем более в столицах, уже не возвращались к занятиям собственным хозяйством. Провинцию же населяли массы далеко не зажиточных, преимущественно даже бедных дворян.²⁸ И здесь дворянин оказался перед теми же властями и судьями, что и простой народ – ревизские души, обязанные податями и рекрутами. Подвергаться суду нижних чиновников было для них унижительно; подчинение им провоцировало подчас трогательные жалобы: “подлые при дворянах чинят неучтивства и, не уступая мест, отваживаются при оных сидеть, а дворяне принуждены стоять и сносить то с обидою.”²⁹ Отсюда

²⁷ Готье, *История областного управления в России*, т. 2, 135 и далее. (Got'e, *Istoriia oblastnogo upravleniia v Rossii*, t. 2, 135 et seq.).

²⁸ Ср.: Н. Чечулин, *Русское провинциальное общество во второй половине XVIII в.: Исторический очерк* (Санкт-Петербург: Тип. В. С. Балашева, 1889). (N. Chechulin, *Russkoe provintsial'noe obshchestvo vo vtoroi polovine XVIII v. Istoricheskii ocherk*. (St. Petersburg: Tip. V. S. Balasheva, 1889)). Об этом же статья в данном сборнике: Arcadius Kahan, “Die Kosten der ‘Verwestlichung’ in Rußland: Adel und Ökonomie im 18. Jahrhundert,” in *Wirtschaft und Gesellschaft im vorrevolutionären Rußland*, ed. Dietrich Geyer (Cologne: Kiepenheuer & Witsch, 1975), 53–82; а также: Rex Rexheuser, *Besitzverhältnisse des russischen Adels im 18. Jahrhundert. Historische Fragen, methodische Probleme* (Phd. diss., University Erlangen-Nürnberg, 1971).

²⁹ *Сборник Императорскаго Русскаго историческаго общества* [далее: СИРИО], т. 68 (Санкт-Петербург: Тип. Н. А. Лебедева, 1888): 388. (*Sbornik Imperatorskago russkago istoricheskago obshchestva* (hereafter, SIRIO), t. 68 (St. Petersburg: Tip. N.A. Lebedeva, 1888): 388); цит. по: Готье,

становится ясно, что и дворянством двигало требование изменить государственную власть в провинции. Жившие в провинции дворяне стремились найти реальную защиту от произвола канцелярий – будь то через выборных посредников, которые бы представляли интересы благородных перед воеводами, или через особые местные институты и судебные учреждения, которые бы заполнялись дворянством или, во всяком случае, создавались исключительно для него. Эта тенденция отчетливо проявилась в дворянских наказах 1767 г.

Таким был фон совещаний комиссии высоких сановников, получившей 11 февраля 1763 г. указание императрицы привести в совершенство дворянские права и на их основе сделать возможным разумное использование полученной ими свободы “к пользе и службе нашей и нашего любезного отечества.”³⁰ Рекомендовалось также связать неслужащее провинциальное дворянство с местным управлением, слить в единое целое живших своими частными жизнями дворянство и местную администрацию в интересах развивающегося государственного абсолютизма. Граф А. П. Бестужев, реабилитированный государственный канцлер императрицы Елизаветы, предложил, чтобы дворяне выбирали из своего “общества” “ландратов,” которым после утверждения Сенатом поручалось бы “исправлять [...] все, потребное для службы государственной, так и для пользы дворянства,” в их уездах.³¹ Таким образом, предлагалось заместить воевод выборными чиновниками – после 1762 г. это значило больше, чем просто возвращение петровских земских комиссаров, так как теперь дворянство получило возможность приравнивать местные дела к своим собственным. Между тем, большинство Комиссии [о вольности дворянской], заседавшей под председательством Н. И. Панина, не советовало приобщать дворянство к государственному управлению через местные службы по выбору и дополнительное принуждение. Считалось, что распространение просвещения и дворянские представления о чести и без того заставят дворян предоставить себя в распоряжение отечества.

История областного управления в России, т. 2, 201. (Got'e, *Istoriia oblastnogo upravleniia v Rossii*, t. 2, 201).

³⁰ *ПСЗ РИ*, т. 16, № 11751. (*PSZ RI*, t. 166, no. 11751); *СИРИО*, т. 7 (1871): 232 и далее. (*SIRIO*, t. 7 (1871): 232 et seq.). См. материалы о работе Комиссии: А. Н. Куломзин, “Первый приступ в царствование Екатерины II к составлению Высочайшей грамоты Российскому дворянству,” в *Материалы для русского дворянства*, ред. Н. Калачов, вып. 2 (Санкт-Петербург: Типо-лит. А. Е. Ландау, 1885): 13–71. (A. N. Kulomzin, “Pervyi pristup v tsarstvovanie Ekateriny II k sostavleniiu Vysochaishei gramoty Rossisskomu dvorianstvu,” v *Materialy dlia russkogo dvorianstva*, red. N. Kalachov, vyp. 2 (St. Petersburg: Tipo-lit. A. E. Landau, 1885): 13–71). К оценке этих событий современниками 1762–1763 гг. см.: Н. Чечулин, *Проект Императорского совета в первый год царствования Екатерины II*. (Санкт-Петербург: Тип. В. С. Балашев, 1894). (N. Chechulin, *Proekt Imperatorskogo soveta v pervyi god tsarstvovaniia Ekateriny II* (St. Petersburg: Tip. V. S. Balashev, 1894)); также см.: Georg Sacke, “Katharina II. im Kampf um Thron und Selbstherrschaft,” *Archiv für Kulturgeschichte* 23 (1933): 191–216. См. традиционную точку зрения на дворянскую политику Екатерины: Paul Dukes, *Catherine the Great and the Russian Nobility: A Study based on the Materials of the Legislative Commission of 1767* (Cambridge: Cambridge University Press, 1967). Нам не удалось еще воспользоваться важной монографией: Robert E. Jones, *The Emancipation of the Russian Nobility, 1762–1785* (Princeton: Princeton University Press, 1973).

³¹ Пункты, предложенные графом Алексеем Петровичем Бестужевым-Рюминым см.: Куломзин, “Первый приступ в царствование Екатерины II,” 26–34. (Kulomzin, “Pervyi pristup v tsarstvovanie Ekateriny II,” 26–34).

В этих обстоятельствах не имел никаких последствий для реальной жизни и более детализированный план, который представил по инициативе Екатерины князь Я. П. Шаховской.³² Речь снова шла о том, как интегрировать дворянство и администрацию: при генерал-губернаторах Шаховской предлагал создать институт выборных помощников (“товарищей”) из дворянства, ландратов (земских советников) нового типа; подобным же образом следовало поступить на уровне губернаторов и воевод. Как “самые подходящие заступники” местного населения эти выборные чиновники должны были заботиться прежде всего о таком деликатном деле как раскладка и сбор податей. Более того, подобно Шувалову, автор советовал учредить выборных “комиссаров” для защиты обывателей от притеснений со стороны расквартированных полков, для поставки фуража войскам, для улаживания споров, для борьбы с воровством, для надзора над дорогами, улицами и лесами и предотвращения злоупотреблений и прежде всего, для наблюдения за тем, “чтобы корчемств не было.” Также был разработан порядок выборов: ежегодно в ноябре из местного дворянства, съезжающегося в губернский город, следовало выбирать образованных, безупречных и почтенных людей; участие в съездах должно было быть обязательным, но состоявший на государственной службе не имел права быть избранным. В спорах вокруг этого плана были приведены показательные аргументы. Так, утверждалось, что русское дворянство пока еще не достигло той ступени, “чтобы всякий знал благосостояние империи и закона сохранение и имел бы такой дар разума, чтобы мог, будучи малого перед губернатором чина и не считая, что он определен в депутаты на время, ему, генерал-губернатору, противу поступка его несправедливого доказать законом и натуральным правом, и не имел бы опасения.” Такие дворяне были все еще “самая редкость.” Если все же выбирали неподходящего кандидата, тогда в его лице получали не “защитника губернии,” а покладистое создание в руках всемогущего губернатора, который был достаточно силен, чтобы отомстить, если ему противоречили.³³ Это возражение не следует недооценивать, поскольку оно указывает на границы, поставленные стремлению сделать освобожденное от принудительной службы дворянство основой местной администрации.

Тем не менее, можно утверждать, что мысль о местном управлении провинции через рекрутирование дворян, не состоящих на службе, впредь не была оставлена в России. Обратная сторона этой реформаторской мысли, однако, имела не меньше значения: путем, предложенным Бестужевым и Шаховским, институт государства и понятие “общего блага” еще более неразрывно, чем ранее, должны были срастись с крепостным порядком, с партикулярной экономической жизнью поместного дворянства. Учреждение провинциальных “дворянских обществ” должно было отвечать этой связи.

*

В середине 60-х гг. могло показаться, что для императрицы эти споры отошли на второй план. С ее честолюбивыми предприятиями 1767 г. – *Наказом* и

³² Готье, *История областного управления в России*, t. 2, 170 и далее. (Got'e, *Istoriia oblastnogo upravleniia v Rossii*, t. 2, 170 et seq.)

³³ Готье, *История областного управления в России*, t. 2, 181. (Got'e, *Istoriia oblastnogo upravleniia v Rossii*, t. 2, 181).

Уложенной Комиссией в Москве – была связана мысль о реформировании государства и групп подданных в соответствии с представлениями эпохи Просвещения.³⁴ Труд Монтескье *О духе законов* (1748) пронизывает весь текст *Наказа*; давно известно также о влиянии других источников.³⁵ На свет должно было появиться новое Уложение, но созданное не “в Кабинете,” а с помощью многочисленного собрания депутатов, где вместе заседали люди, представлявшие все “государственные роды:” рядом с дворянством – горожане, черносошные и дворцовые крестьяне, иноплеменные народы вплоть до самоедов и тунгусов. У некоторых современников это вызывало недоразумение, как будто императрица созвала “генеральные штаты” (*Generalstände*, или *Etats généraux*) своей империи у подножья трона.³⁶

Видеть в *Наказе* Екатерины отражение расчетливого кокетства с *Духом законов*, направленного на то, чтобы предъяснить всему миру милосердную мудрость коронованной дочери Просвещения, означало бы уменьшить значение этого начинания до того, что лежит на его поверхности. Чувство собственного достоинства императрицы, которое всегда обгоняло оптимистические эмоции своей эпохи, нуждалось в просвещенной рефлексии и для принятия прагматических решений. Чтобы оставаться верной главной тенденции века, с которой она идентифицировала свой образ действий, она была вынуждена все время искать поддержки в “философском законодательстве.” Сделать ставшего модными творения известного француза податливыми в самых различных целях соответствовало стилю времени.³⁷ Возможность применения принципов *Духа*

³⁴ Лучшее издание: *Наказ императрицы Екатерины, данный комиссии о сочинении проекта нового уложения*, ред. Н. Чечулина (Санкт-Петербург: Тип. Акад. Наук, 1907). (*Nakaz imperatritsy Ekateriny, dannyi komissii o sochinenii proekta novago ulozheniia*, red. N. Chechulin (St. Petersburg: Tip. Akad. Nauk, 1907)). О состоянии американских исследований правления Екатерины см.: *Canadian Slavic Studies* 4:3 (1970): 373–627; мнение М. Раева об этом специальном выпуске см.: Marc Raeff, “Random Notes on the Reign of Catherine II in the Light of Recent Literature,” *JGO* 19 (1971): 541–556.

³⁵ Friedrich Andreae, *Beiträge zur Geschichte Katharinas II. Die Instruktion vom Jahre 1767 für die Kommission zur Abfassung eines neuen Gesetzbuches* (Berlin: Georg Reimer, 1912); см. также об этом: Ф. А. Тарановский, “Монтескье о России. К истории Наказа императрицы Екатерины II,” *Труды русских ученых за границей. Сборник академической группы в Берлине* т. 1 (Берлин: Слово, 1922): 178–223. (F. A. Taranovskii, “Montesk’e o Rossii. K istorii Nakaza imperatritsy Ekateriny II,” *Trudy russikh uchenykh zagranicey. Sbornik akademicheskoi gruppy v Berline* т. 1 (Berlin: Slovo, 1922): 178–223).

³⁶ А. В. Флоровский, “Состав законодательной Комиссии 1767–1774 гг.” *Записки имп. Новороссийскаго ун-та, ист.-фил. фак-та* т. 10 (Одесса: Экономическая типография, 1915). (A. V. Florovskii, “Sostav zakonodatel’noi Komissii 1767–1774 gg.” *Zapiski imp. Novorossiiskago un-ta, ist.-fil. fakt-ta* т. 10 (Odesa: Ekonomicheskaiia tipografiia, 1915)). Последнее монографическое исследование с подробной критикой источников: Georg Sacke, *Die Gesetzgebende Kommission Katharinas II. Ein Beitrag zur Geschichte des Absolutismus in Rußland* (Breslau: Priebatsch, 1940). В тезисах этого лейпцигского историка, погибшего в 1945 г. в концентрационном лагере, заметно, вероятно, отдаленное влияние русско-советской школы М. Н. Покровского. Это касается не только разоблачающего анализа тактики власти Екатерины, но и переоценки “растущего значения гражданства” и склонности связывать приход к власти Екатерины с концом “эпохи дворянского правления” в России (с. 35 и далее); ср.: Dietrich Geyer, “Georg Sacke (1901–1945),” in *Deutsche Historiker*, vol. 5, ed. Hans-Ulrich Wehler (Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1972), 117–129.

³⁷ Rudolf Vierhaus, “Montesquieu in Deutschland. Zur Geschichte seiner Wirkung als politischer Schriftsteller im 18. Jahrhundert,” in *Collegium Philosophicum. Studien. Joachim Ritter zum 60. Geburtstag*, ed. Ernst-Wolfgang Böckenförde et al. (Basel & Stuttgart: Schwabe & Co. Verlag, 1965): 403–37. Примеры рецепции Монтескье в России: Ф. А. Коган-Бернштейн, “Влияние идей Монтескье в

законов в России зависела от того, можно ли было согласовать его критерии и нормы с условиями и предпосылками российского самодержавия. Простое перетолкование оригиналов и новые законы могли способствовать этому, но впереди шла рефлексия: “Россия есть европейская держава”, – этой формулой *Наказа* были строго разграничены самодержавие и деспотия, причем первое уподоблено модели “*gouvernement monarchique*” (правительства монаршего) Монтескье: “где правит одно лицо посредством основных законов.”³⁸ Но за декламациями уже была видна рецепция “*pouvoires intermédiaires*” (“властей средних”); она касалась актуальных проблем реформирования, перед которыми стояла Екатерина, и ее заметки по этому поводу полностью соответствовали тем максимам, которые повсюду нес с собой “просвещенный абсолютизм” той эпохи.

Связывающие воедино монарха и дворянство “фундаментальные законы,” на создание которых надеялся Монтескье, должны были, согласно Екатерине, покоиться только в руках правительства. “Власти средняя” Монтескье в действительности воспринимались иначе, чем в его сочинении: не сословия, а собственно власти, суды, “малые протоки, сиречь правительства, чрез которые изливается власть государева” (*Наказ*, ст. 20). Не дворянство, а правительствующий Сенат, “*dépôt des lois*” (хранилище закона), получил черты “*corps politique*” (политической корпорации). То, что Екатерина называла “всеобщей, или политической, свободой”, – свободу в государстве, “то есть: в собрании людей, обществом живущих, где есть законы” (*Наказ*, ст. 37), – гарантом этой “естественной свободы” должна была быть фигура самого монарха.³⁹ Судебные учреждения и “правительства,” “*canaux moyens*” (средние каналы) как посреднические инстанции (“власти средняя”) власти монарха, – согласиться с этим означало не что иное, как опрокинуть полученную по наследству административную систему России. В интерпретации императрицы учение Монтескье означало устройство государства путем “разделения властей,” отделения канцелярии (исполнительной власти) от суда, а исходившая из немецких ученых трудов популярная в то время идея полицейского государства была подходящей, чтобы собрать разделенные между ведомствами власти в руке губернатора.

Не было ли, однако, заложено в *Большом наказе*, как и во всем предприятии с Московской комиссией, одновременно новое понимание общества? Конечно, здесь еще нельзя говорить о политически устроенном обществе и “корпоративной свободе.”⁴⁰ Дворянство – “*un titre d’honneur*” (“нарицание в чести”) – определялось “каталогом добродетелей,” который вместо гражданских привилегий суммировал

России в XVIII в.,” *Вопросы истории* 5 (1955): 99–110. (F. A. Kogan-Bernshtein, “Vliianie idei Monteski’e v Rossii v XVIII v.,” *Voprosy istorii* 5 (1955): 99–110).

³⁸ Шарл Луи Монтескье, *О духе законов* в его же. *Избранные произведения* (Москва: Госполитиздат, 1955), 175 (прим. перев.). (Sharl Lui Monteski’e. *O dukhe zakonov v idem, Izbrannye proizvedenii* (Moscow: Gospolitizdat, 1955), 175 (prim. perev.).

³⁹ Автор статьи использовал немецкий перевод *Наказа* Екатерины II: *Ihro Kayserlichen Majestät Instruction für die zu Verfertigung des Entwurfs zu einem neuen Gesetz-Buche verordnete Commiſſion* (Frankfurt & Leipzig: n.p., 1769) (прим. перев.).

⁴⁰ См. об этом основополагающую работу: Kurt von Raumer, “Absoluter Staat, korporative Libertät, persönliche Freiheit,” *Historische Zeitschrift* 183 (1957): 55–96. – Новый пример традиционной идеализации намерений Екатерины без всякой критики источников: K. A. Parnmehl, “The Problem of Civil Liberties in the Records of the ‘Great Commission’,” *The Slavonic and East European Review* 42 (1964): 274–91.

нормы дворянского достоинства, определенные государством: ревность к службе, любовь к отечеству, послушание и верность по отношению к своему суверену, готовность быть в распоряжении для сохранения и защиты государства. Говоря о “мещанах,” “среднем” или “третьем роде,” о “сельских обывателях,” Екатерина ограничивалась просвещенными формулировками, в одежды из которых был облачен *status quo* подданных (*Наказ*, §358-383). И в заключение, находившиеся в крепостной зависимости ревизские души были предоставлены исключительно человеколюбивым чувствам своих владельцев. Заставляет задуматься другое: Екатерина наделила депутатов, съехавшихся в Москву на заседания, привилегиями, которых никогда не имело даже дворянство. Каждому депутату, будь он дворянин, горожанин или государственный крестьянин, христианин, язычник или мусульманин, – всем им было обещано освобождение от смертной казни, пыток и телесных наказаний “на протяжении всей жизни” за любое преступление, “какого бы то ни было свойства.”⁴¹ Также и имущество их, начиная со дня избрания, не могло быть конфисковано, кроме как за долги. Никакой суд не мог осмелиться исполнить приговор над депутатом “без утверждения императрицы.” Непривычный “гражданский” принцип, выходящий за рамки классов и сословий, был, казалось, заложен в депутатском иммунитете и позволял подозревать, что эти различия должны были потерять свое значение там, где речь шла о службе государству и общем благе. Утвердив депутатские привилегии “всословной” Комиссии, Екатерина тем самым дала понять, что и в России просвещенному государственному разуму присуще выделять фигуру гражданина государства из старых категорий подданных. Это означало и признание в том, что, если бы до этого действительно дошло, государственный абсолютизм был бы лишен предпосылок собственного существования.

Фактически, московское собрание депутатов, которое в июле 1767 г. приступило к “сочинению нового Уложения,” было в высшей степени неустойчивой, отчужденной моделью будущего гражданского общества. Тот, кто оказался в Комиссии благодаря высочайшим указам, приехал не как депутат от сословного объединения, которому он обязан отчетом, а как подданный, для которого избрание было видом рекрутирования в службу. Способ командирования выборных от подданных в центр власти соответствовал старой традиции и не предполагал существования сословий, созданных на корпоративной основе, для которых, впрочем, в русском языке так и не нашлось адекватного понятия.⁴² Уложенные комиссии в России принадлежали к той системе вспомогательных средств, которую издавна практиковало самодержавие перед лицом слабого функционирования администрации и укоренившегося

---

⁴¹ *ПСЗ РИ*, т. 17, № 12801. (*PSZ RI*, t. 17, no. 12801).

⁴² Старое, определяющее положение в системе службы и рангов понятие “чин,” заменявшее при Анне Ивановне понятие “сословие” (“статус”), во второй половине XVIII в. при обозначении категорий подданных было заменено другими образованиями. В *Лексиконе* В. Н. Татищева дворянство представлено как “главный и честнейший стан государства” (ср.: П. К. Алефиренко, “Социально-политические воззрения В. Н. Татищева,” *Вопросы истории* 10 (1951): 103–114, зд. 106. (P. K. Alefirenko, “Sotsial’no-politicheskie vozzreniia V.N. Tatishcheva,” *Voprosy istorii* 10 (1951): 103–114, here 106); освободительный манифест Петра III называет дворянство “главным членом в государстве”; в документах Уложенной Комиссии Екатерины в значении “сословие” употребляется слово “род.” Исследований по истории более ранних областей значений терминов “сословие” и “состояние” еще недостаточно.

недоверия к местным органам. Чтобы создавать законы, высшая власть нуждалась в информации об обширных территориях, в достаточных знаниях о них, чего не могла обеспечить канцелярская бюрократия на местах. Да и для замыслов Екатерины – включить значительную реформу в кодекс законов империи – присутствие присланных представителей из провинций и от каждого из строго отделенных друг от друга классов населения, безусловно, было необходимо. Отправлявшиеся в Москву депутаты должны были привезти с собой собственные “наказы,” в которых излагались пожелания и нужды местного населения. Подразумевалось, что эти документы не будут ни в коем случае использоваться как руководства для депутатов: они были подшиты в качестве “материалов” к документам Комиссии. О намерении императрицы передать законодательную власть в руки представителей сословий не могло быть и речи. Из наказов депутатам видно, что в России не было никого, кто хотел бы принять эту власть или даже “разделить” ее с государыней.

Здесь я не ставлю своей задачей подробно исследовать историю московской Уложенной Комиссии. Где шла речь о конкретной подготовке практических законопроектов, собрание депутатов было рассредоточено по предметным комиссиям бюрократического толка, подкомиссиям, которые годами трудились над вопросами устройства государства и “государственных сословий,” полиции, судебных учреждений, населения, скотоводства, земледелия, ремесла, другими сложными предметами.⁴³ Когда Большое собрание было уже давно распущено, эти комиссии, получившие предписания работать и далее, заседали вместе – окруженные внушительными связками документов, депутаты вздыхали над плохими географическими картами в поисках городов и местечек, избежавших еще занесения в податные списки и внимания картографов, и нуждаясь все время в милостивой протекции своей благодетельницы, призвавшей их на службу. Высочайшая воля, однако, оставалась неясной, и “путеводная нить” – екатерининский *Наказ* – подвела при попытке воплотить человеколюбивые принципы государыни в пригодные для практики распоряжения.

*

Последствия привлекающих наше внимание предприятий той эпохи были все же бóльшими, чем можно было бы ожидать. Социальная история отдельных групп подданных в России, особенно дворянского сословия, тесно связана с периодом работы Комиссии. “Обряд выбора” 14 декабря 1766 г.⁴⁴ имел практическое значение для возникновения дворянских корпораций, дворянских обществ. При выборах депутатов дворяне регистрировались не по принадлежности к полкам и учреждениям, а как члены местного, связанного с помещичьей властью, объединения лиц. Владение собственностью и душами, а не “чин” или “должность,” определяли здесь благородного человека. Дворяне каждого уезда должны были образовать “собрание,” которому было отведено значение выборного объединения. Каждый, кто владел имением в уезде, имел право проголосовать – даже если он находился на службе в другом месте.

⁴³ Подробное исследование этого вопроса: Готье, *История областного управления в России*, т. 2, 213 и далее. (Got'e, *Istoriia oblastnogo upravleniia v Rossii*, t. 2, 213 et seq.).

⁴⁴ *ПСЗ РИ*, т. 17, № 12801. (*PSZ RI*, t. 17, no. 12801).

“Женщины же дворянки, владеющие своими имениями,” участвовали в голосовании письменными заявлениями, не имея права присутствовать в собрании. Из среды уездного дворянства, в городе, указанном губернатором, под надзором “приставленных начальников,” следовало избрать “маршала,” предводителя дворянства, который получал наименование “почтенного.” Он должен был быть “честного и незазорного поведения,” возглавлять как “оратор или предводитель” собрание своих собратьев по происхождению. После молебна и принесения присяги в церкви следовало избрать дворянина, который отправлялся в Москву в качестве депутата, а также еще несколько человек, которые должны были снабдить путешественника необходимыми наказами, разъяснявшими Екатерине местные проблемы ее подданных. Следующие несколько лет показали, что это явление, сопутствовавшее Московской комиссии, действительно положило начало региональной организации дворянства, так как дальнейшее развитие получил институт не депутатов, а дворянских предводителей и дворянских собраний. После роспуска Уложенной Комиссии должность предводителя потеряла свое прежнее значение. Вновь избираемый через два года, он в результате утвердился как носитель сословных полномочий, на которого власть тотчас возложила в изобилии государственные функции.⁴⁵ Наряду с сословными полномочиями, ему было позволено исполнять также свои “должности” на регулярной службе. Дворянский предводитель стал своего рода приложением к системе государственного управления, а не конкурирующей силой, которая могла бы отстаивать местные интересы дворянства у государственной власти.

Не самостоятельная деятельность неслужащих дворян, а распоряжающаяся всем властью самодержавия способствовала тому, что “общество” смогло собраться вместе. Общество, однако, представляло собой прежде всего подчиненное государственной цели и регулируемое сверху объединение подданных. Чтобы осуществить попытку придать этим принудительным объединениям сословный характер, привить корпоративные взгляды и ответственность, не хватало опыта. Подобным стремлениям не могли способствовать ни исторические традиции, ни память о прежних формах самостоятельной сословной жизни и заветах дворянской свободы. Дворянство само не смогло смягчить искусственность “обществ,” организуемых государством. Ни указы в Уложенную Комиссию, ни заседавшая при ней комиссия о правах дворянства, которой было поручено зафиксировать дворянское гражданское право, не дали более четких представлений о корпоративной свободе. Разработанный в 1768 г. “Проект правам благородных” в изобилии содержал гражданские привилегии, но избегал определения дворянских сословных организаций.⁴⁶ Отмечалось, однако, что дворяне должны были иметь право посылать выборных из своей среды “в суды земские” и “ко всем земским службам,” также как и “собираться в своих и законом предписанных случаях в своих провинциях,” – то есть в установленном месте, в

---

⁴⁵ Примеры из законодательства: С. А. Корф, *Дворянство и его сословное управление за столетие 1762–1855 гг.* (Санкт-Петербург: Тип. Тренке и Фюсно, 1906), 84 и далее. (S. A. Korff, *Dvorianstvo i ego soslovnoe upravlenie za stoletie 1762–1855 gg.* (St. Petersburg: Tip. Trenke i Fiusno, 1906), 84 et seq.).

⁴⁶ Текст “Проекта правам благородных” и анализ дебатов в Комиссии приводятся согласно изданию: Корф, *Дворянство и его сословное управление*, 667–682, 59–78. (Korff, *Dvorianstvo i ego soslovnoe*, 667–82, 59–78); см. также поправку Дирекционной комиссии в: СИРИО, т. 32 (1881): 328. (SIRIO, t. 32 (1881): 328).

установленное время. В дальнейшем дворянству каждой провинции разрешат вести именную “вписок,” род матрикула, а для их детей учредить школы.

Тот, кто подошел бы к проекту Комиссии с мерилom европейской дворянской свободы, сохранившейся от старины, не смог бы не заметить ущемления чувства личного достоинства. Никто так болезненно не реагировал на это, как депутаты от немецкого рыцарства Лифляндии и Эстляндии, которые сочли подверженным чрезвычайной опасности свое историческое земское право, обеспеченное “пактом, мирным договором и гарантиями.” В России сложилось противостояние, в котором, как и в других частях Европы, отразилось сопротивление старого сословного общества затягивающей силе абсолютного монаршего государства. О том, что нужно “благородству,” чтобы в провинции оно могло проявить себя не только “в спокойном частном существовании,” но и “вольным благородным обществом,” представители рыцарства пространно высказывались в некоторых “*Reservata*” (возражениях): письменно подтвержденная, ненарушимая свобода корпораций по отношению к государственной администрации, собственная сфера права, которая защищена от посягательств извне и сверху; свобода иметь в провинции общественно-правовой статус местной власти, или “властей средних,” носителей установлений – статус, который не могла бы продавить верховная власть.⁴⁷

Однако при исторической оценке нельзя упускать из виду, что противопоставлять дворянские выборные собрания тем моделям сословной свободы, которые и на Западе в это время уже принадлежали истории, или, по крайней мере, как в Польше, стали мячиком в игре могущественных сил, было бы сомнительно. Немецкое рыцарство и его земские права в Лифляндии и Эстляндии не имели нормативной силы в европейском контексте, они существовали как реликты прошлого, которые в других странах абсолютизм уже оставил позади. Не политические сословия прежней эпохи, а деполитизированные формы, которые консервировало современное государство как фундамент своей системы управления, подходят как мерилo для анализа “общества” как государственного установления в России с исторической точки зрения. Представления, заставившие графа Хертцберга, министра Фридриха Великого, заново обдумать функцию местных корпораций в прусской монархии,⁴⁸ были ближе начинаниям Екатерины II, чем традициям сословного устройства Европы. Таким образом, историческим контекстом возникновения дворянских объединений в России был не старосословный мир до-абсолютистской эпохи, а просвещенный абсолютизм, которому подъем значения сословных учреждений, хотя и ограниченный, во второй половине XVIII в. вовсе не помешал.⁴⁹ Сословия как искусственный продукт, созданный Екатериной, которые императрица обустроивала и в последующие десятилетия, были продолжением самодержавной практики управления, соприкасаясь, с другой стороны, с теми сословными формами, которые поглотило государство Нового времени на Западе. На основе разных

⁴⁷ Примеры см.: СИРИО, т. 32 (1881): 36. (SIRIO, t. 32 (1881): 36); Корф, *Дворянство и его сословное управление*, 70 и далее. (Korf, *Dvorianstvo i ego soslovnoe upravlenie*, 70 et seq.); ср. также: Sacke, *Die Gesetzgebende Kommission Katharinas II.*, 159 и далее.

⁴⁸ См. об этом: Vierhaus, “Montesquieu in Deutschland,” 432.

⁴⁹ К сравнительной классификации мероприятий Екатерины см.: Robert R. Palmer, *The Age of Democratic Revolution: A Political History of Europe and America, 1760-1800. The Challenge* (Princeton: Princeton Univ. Press, 1959), 402 и далее.

предпосылок: здесь – русской служилой системы, там – сословного устройства, – социальные порядки России и Европы при абсолютизме шли навстречу друг другу, став подобными, но не идентичными друг другу. Остался открытым вопрос, могло ли это своеобразное сближение способствовать наполнению русского понятия “общества” чем-то из традиций дворянского мира прежней Европы, многократно преобразованных, но придававших ему постоянство и продолжительность в условиях абсолютизма, – хотя, правда, и некоторую сомнительность.

Несравнимо более архаичными и неподвижными, чем в дворянской среде, где служилый класс объединился в условиях новой свободы, оставались отношения в русском городе. В качестве настолько же явной, насколько и искусственной параллели уездным дворянским собраниям изданный в декабре 1766 г. “Обряд выбора” предписывал городам, где было не менее 50 домов, избирать по одному депутату. Преследуя политические цели, Екатерина создала себе городское представительство, которое вместе с выборными от крестьян составляло большинство в Московской комиссии в противовес дворянским представителям. Для проведения выборов было приказано обеспечить правом голоса всякого, кто имел “действительно дом, или дом и торг, или дом и ремесло, или дом и промысл в том городе.”⁵⁰ Подобно предводителю уездного дворянства, в собрании горожан должен был председательствовать специально избираемый “городской голова.”⁵¹ По крайней мере в проекте горожане понимались в значении коммунального объединения; на развалинах петровского магистратского законодательства, которое стремилось установить власть, на мгновение появились очертания городского общества в стороне от системы власти. Однако шансы на дальнейшее развитие этого установления из зачаточного состояния были еще меньшими, чем корпоративная энергия дворянского сословия. Старые фискальные и ремесленные объединения не были в состоянии срастись в “*communauté*” (сообщество) новой эпохи; невозможность этого подчеркивали указы 1767 г.⁵² Выступавшим от городов важны были экономические привилегии отдельных профессиональных групп, вытеснение торгующих дворян и крестьян за городскую черту и – где речь шла о почестях – уподобление членов магистрата и гильдейских купцов дворянам: чины, шпаги, знаки должностного отличия казались достойными того, чтобы к ним стремиться, в отличие от общих интересов “городского состояния,” образ которого императрица набросала на

⁵⁰ ПСЗ РИ, т. 17, 1101, № 12801. (PSZ RI, t. 17, 1101, no. 12801).

⁵¹ ПСЗ РИ, т. 17, 1101, № 12801. (PSZ RI, t. 17, 1101, no. 12801). В ориг. “Обряд выборов” цит. по: J. J. Haigold (=A. L. Schlözer), *Neuverändertes Rußland oder Leben Catharinae der Zweyten* [...] 1. Theyl, 3. Aufl., (Riga & Mietau: Hartknoch, 1771), 284 и далее.

⁵² С. Вознесенский, “Городские депутатские указы в Екатерининскую комиссию 1767 года,” *Журнал Министерства народного просвещения* 12 (1909): 89-119, 241-284. (S. Voznesenskii, “Gorodskie deputatskie nakazy v Ekaterininskuiu komissiiu 1767 goda,” *Zhurnal Ministerstva narodnago prosveshcheniia* 12 (1909): 89-119, 241-284); А. А. Кизеветтер, “Происхождение городских депутатских наказов в Екатерининскую комиссию 1767 года,” в Кизеветтер, *Исторические очерки* (Москва: ОКТО, 1912), 209-241. (A. A. Kizevetter, “Proiskhozhdenie gorodskikh deputatskikh nakazov v Ekaterininskuiu komissiiu 1767 goda,” v Kizevetter, *Istoricheskie ocherki* (Moscow: ОКТО, 1912), 209-41). Новая работа на эту тему: М. П. Павлова-Сильванская, “Социальная сущность областной реформы Екатерины II,” в *Абсолютизм в России (XVII-XVIII вв.)*, 460-491, зд. 477 и далее. (M. P. Pavlova-Sil'vanskaia, “Sotsial'naia sushchnost' oblastnoi reformy Ekateriny II,” v *Absolutizm v Rossii (XVII-XVIII vv.)*, 460-91, here 477 et seq.).

бумаге. Еще более нереальной была мысль о сословном представительстве крестьянского населения, от которого в Москву прибыли депутаты свободных от крепостной зависимости слоев.⁵³ Хотя с помощью воевод и “начальников” удалось отправить в путь таких людей в предписанном количестве, на общины государственных крестьян, скрепленные фискальными интересами и круговой порукой, не влияло то, что “местные обычаи” могло бы привести в движение.

*

Императрице была важна не эмансипация в значении самой корпоративной свободы, а включение “государственных сословий” в состав государства. Даже робкая попытка регулирования “сословного права” частными комиссиями при Комиссии Уложения сама уже содержала компонент административной реформы. Правовые сферы категорий подданных имели по определению свойства административных; изменить их означало в то же время изменить институты государства. Поскольку, однако, в России приоритет издавна отдавался государственным вопросам перед частными, дальнейшее законодательство об устройстве подданных шло не перед, а позади административного; оно неизбежно последовало за изменениями устройства губерний и уездов, которые были проведены Екатериной в середине 1770-х гг. Также дальнейшая эволюция дворянских собраний, узаконенных в 1766 г., оставалась связанной с перестройкой административной системы. Этот процесс был побочным продуктом реформы, которая в свою очередь подтвердила, что эти “общества” вошли в жизнь как субституты государства. При исследовании вопроса о мотивах губернской реформы на первый план все больше выносятся связь между требованиями дворян, высказанными в наказах в Комиссию 1767 г., и тем, что исполнила в итоге Екатерина.⁵⁴ В этом смысле реформа чаще всего

⁵³ По вопросу о крестьянстве в 1767 г. наряду с богатыми материалом работами: В. И. Семевский, *Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II* т. 1–2 (Санкт-Петербург: Тип. Ф. С. Сущинского, 1881–1901); В. И. Семевский, *Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века* т. 1 (Санкт-Петербург: Тип. Товарищества Общественная польза, 1888), 95 и далее. (V. I. Semevskii, *Krest'iane v tsarstvovanie imperatritsy Ekateriny II* t. 1–2 (St. Petersburg: Tip. F. S. Sushchinskogo, 1881–1901); V. I. Semevskii, *Krest'ianskii vopros v Rossii v XVIII i pervoi polovine XIX veka* t. 1 (St. Petersburg: Tip. Tovarishchestva Obshchestvennaia pol'za, 1888), 95 et seq.). Ср.: А. В. Флоровский, “Из истории Екатерининской законодательной комиссии 1767 года. Вопрос о крепостном праве,” *Записки имп. Новоросскийскаго ун-та, ист.-фил. фак-та* т. 3 (Одесса: Экономическая типография, 1910). (A. V. Florovskii, “Iz istorii Ekaterininskoi zakonodatel'noi komissii 1767 goda. Vopros o krestostnom prave,” *Zapiski imp. Novorossiiskago un-ta, ist.-fil. fak-ta* t. 3 (Odesa: Ekonomicheskaiia tipografiia, 1910)). Более новые советские исследования: М. Т. Белявский, *Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е. И. Пугачева* (Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1965). (M. T. Beliaevskii, *Krest'ianskii vopros v Rossii nakanune vosstaniia E. I. Pugacheva* [Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1965]). – К проекту закона о крестьянах, который обсуждался в Комиссии о государственных родах, см.: СИРИО, т. 36 (1882): 247 и далее. (SIRIO, t. 36 (1882): 247 et seq.); Семевский, *Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века*, т. 1, 129 и далее. (Semevskii, *Krest'ianskii vopros v Rossii v XVIII*, t. 1, 129 et seq.).

⁵⁴ См. прежде всего остающуюся до сих пор единственной монографию, посвященную губернской реформе Екатерины: В. А. Григорьев, *Реформа местного управления при Екатерине II. Учреждение о губерниях 7 ноября 1775 г.* (Санкт-Петербург: Рус. скоропеч., 1910), 120–200. (V. A. Grigor'ev, *Reforma mestnogo upravleniia pri Ekaterine II. Uchrezhdenie o guberniakh 7 noiabria 1775 g.* (St. Petersburg: Russ. skoroprech., 1910), 120–200).

представлялась как уступка самодержавия “благородству”; статьи *Учреждений о губерниях* как будто последовательно вытекали из требований дворян. В результате такого сравнения источников советская историческая наука делает вывод о том, что императрица в 1775 г. заплатила высокую дань “диктатуре дворянства” и продлила тем самым классовое господство помещиков – в тягость угнетенным народным массам, но и во вред капиталистическому развитию, зашевелившемуся в недрах феодального строя.⁵⁵

Действительно, предложения дворянских наказов 1767 г. отчасти связаны с положениями административной реформы 1775 г. Эти русские “*cahiers de doléances*” отражали все более распространявшееся недовольство, которое испытывали дворяне в провинции по поводу царивших там беспорядков. Однако содержащиеся в них жалобы были давно известны правительству: бесчинства разбойников и грабежи на дорогах, акты произвола и дерзость местных властителей, волокита в судах, неподвижность дел в инстанциях, пьянство и продажность чиновников, незащищенность вдов и сирот – все это заполняло наказания. Без сомнения, что дворянство рассматривало существовавшую систему управления как нуждающуюся в пересмотре и что для благородных вопрос состоял в том, чтобы как можно скорее укрепить свои позиции по отношению к местным властям. Желание ускользнуть из-под полицейской и судебной власти воевод окрыляло силу их воображения. Некоторые предложения содержали идею, не выходящую до того за пределы окружения императрицы: заменить низшую администрацию, включая воевод, выборными из уездного дворянства: “земскими судьями,” “обер-комиссарами,” или “начальниками.” Тут же раздавались более осторожные предложения: поместить выборных опекунов, или “посредников,” между провинциальным дворянством и воеводами или расширить компетенцию дворянских маршалов судебными и полицейскими функциями. Чаще можно было услышать пожелание, наряду с существующими уездными органами устроить особые судебные учреждения, примирительные комиссии, опеку, в компетенцию которых, независимо от губернских и воеводских канцелярий, входили бы только дела дворянства и которые заполнялись бы из его среды.⁵⁶

Как видно, всеобщий разлад стимулировал размышления о самых различных формах особого дворянского управления. Его способность функционировать предполагала, разумеется, избрание дворян в местные учреждения, то есть возвращение их в службу из “партикулярного бытия.” В то же время, незначительное участие в выборах 1767 г. и содержание наказов свидетельствовали о том, что корпоративное сознание дворянства было еще едва развито. Вопрос, следует ли воспринимать службу по выбору как службу государству или как почетную сословную должность, не ставился, проблема подчинения выборных лиц государственной власти не обдумывалась.

---

⁵⁵ М. Т. Белявский, “Требования дворян и перестройка органов управления и суда на местах в 1775 г.,” *Научные доклады высшей школы* вып. 4 (1960): 125–43. (M. T. Beliaevskii, “Trebovaniia dvorian i perestroika organov upravleniia i suda na mestakh v 1775 g.,” *Nauchnye doklady vysshei shkoly* vyp. 4 (1960): 125–143). Аналогичное мнение см.: Павлова-Сильванская, “Социальная сущность областной реформы Екатерины II,” 468. (Pavlova-Sil’vanskaia, “Sotsial’naia sushchnost’ oblastnoi reformy Ekateriny II,” 468).

⁵⁶ Анализ дворянских наказов см.: Корф, *Дворянство и его сословное управление*, 31 и далее. (Korf, *Dvorianstvo i ego soslovnoe upravlenie*, 31 et seq.); Григорьев, *Реформа местного управления при Екатерине II.*, 123 и далее. (Grigor’ev, *Reforma mestnogo upravleniia pri Ekaterine II.*, 123 et seq.).

Размышления о порядке местного управления ограничивались обстоятельствами одного уезда; уровни провинциальный и губернский оставались без внимания. Редкие попытки представить область сословного права отдельно от государственной сферы были слабы: корпоративная солидарность находилась *in statu nascendi*. Встречи собратьев по сословию на выборах вызвали у дворян некоторых уездов желание создать “корпус дворянский” или “общество дворянское” как постоянные учреждения;⁵⁷ из объединения лиц, основанного с целью выбора депутатов, должно было возникнуть установленное законом “общество.” Иногда дворянская служба по выборам называлась “почти партикулярная”: образовалось вспомогательное понятие для обозначения обязанностей,⁵⁸ которые теперь имели смысл и значение не только благодаря государю или государству, но и дворянскому сословию.

Оглядываясь на сказанное, можно утверждать, что между ожиданиями дворянства и представлением императрицы о реформах не было принципиального противоречия. Мысль об исполнении местных должностей выборными из дворян не была в новинку; она пришла из петровской административной традиции и была единственной практически воплощаемой альтернативой *status quo*, то есть канцелярской системе, которая как и прежде являлась хроническим недугом российского аппарата государственного управления. Модель обособления местных инстанций по “сословному” признаку оставил в наследство еще Петр Великий: она состояла в исключении городов из администрации уездов (или дистриктов), и к ней можно было обратиться и при изменившихся обстоятельствах. Новым было представление о разделении исполнительной власти и суда, которое Екатерина – несравнимо отчетливее, чем само дворянство, – хотела связать с предстоящей реформой. Таким образом, освобожденные от службы дворяне, в отличие от прежней эпохи, стали проблемой управления. Для правительства это значило употребить на государственную пользу этот человеческий резерв для нового устройства местных учреждений.

Наказы дворянства 1767 г. не были необходимы, чтобы убедить Екатерину и небольшой круг ее сподвижников в том, что включение провинциального дворянства в местную администрацию должно было стать принципом губернской реформы. К подготовке *Учреждений о губерниях*, изданных 7 ноября 1775 г., не привлекались ни указы, ни “своды по материям,” подготовленные в московской Комиссии. Основное направление реформы давно уже утвердилось и было опробовано на пригодность еще до того, как катастрофа казацко-крестьянской войны под предводительством Пугачева и внезапное крушение местного аппарата в районах восстания заставили императрицу принимать немедленные решения.⁵⁹

⁵⁷ Ср. также: СИРИО, т. 3 (1868), 241, 271. (SIRIO, t. 3 (1868), 241, 271). Особый пример дворянской сословной организации с постоянным представителем при высшем государственном правлении и правом доклада у императрицы: СИРИО, т. 4 (1869), 255–256. (SIRIO, t. 4 (1869), 255–256); Корф, *Дворянство и его сословное управление*, 37–40. (Korf, *Dvorianstvo i ego soslovnoe upravlenie*, 37–40).

⁵⁸ “Наказ псковского дворянства,” СИРИО, т. 14 (1875): 376 и далее. (“Nakaz pskovskogo dvorianstva,” SIRIO, t. 14 (1875): 376 et seq.); Готье, *История областного управления*, т. 2, 199. (Got’e, *Istoriia oblastnogo upravleniia v Rossii*, t. 2, 199).

⁵⁹ John T. Alexander, *Autocratic Politics in a National Crisis: The Imperial Government and Pugachev’s Revolt, 1773–1775* (Bloomington: Indiana University Press, 1969); Marc Raeff, “Pugachev’s Rebellion,” in *Preconditions of Revolution in Early Modern Europe*, eds. Robert Forster & Jack Philip Greene (Baltimore:

Еще в 1769 г. новгородский губернатор Сиверс самовольным решением вышел за рамки предусмотренного законом. С целью найти своей обширной губернии опору под провинциальными канцеляриями, он поручил выборным “комиссарам” из рядов местного дворянства функцию надзора в уездах и обязал помещиков добывать средства на жалование для этих выборных чиновников. В 1771 г., во время большой эпидемии чумы, должность комиссара была учреждена и в Петербургской губернии.⁶⁰ Немногим позже присоединение белорусских воеводств показало, что изжившая себя система учреждений России была не пригодна для управления доставшимися ей польскими территориями. Правительство поняло, что оно вынуждено как бы предвосхитить некоторые элементы предстоящей административной реформы на чужих территориях.⁶¹ Важнейшие функции главы уезда в России были вложены в 1773 г. в институт уездного комиссара, земского исправника с 1775 г. Конечно, этот комиссар – иначе, чем потом исправник, – не был выборным из местного дворянства, а только чиновником на регулярной государственной службе. При трансформации польской судебной практики рекомендовалось следовать принципу разделения властей, который Екатерина хотела положить в основу здания власти своей империи. Примененная в земских судах Белоруссии форма институционального обособления исполнительной и судебной власти тут же показала, что “посредническая власть” губернатора заново связывала разъединенные было инстанции. Императрица не собиралась отделить гражданское судопроизводство от государства и передать его в компетенцию самоуправления дворянского сословия. Власть комиссаров в Белоруссии, как позднее и полицейская власть исправника, впитала в себя судебные полномочия. Более того, выборные польские судьи, которые до того исполняли почетные сословные должности, превратились в получающих жалование государственных чиновников, помещенных в “Табель о рангах.” Так и здесь теперь соблюдение сословных интересов было связано с выполнением государственных обязанностей. Приспособление польских корпораций к правилам русских дворянских собраний брало начало в том же образе мыслей. От государства, не от сословия, брала свое начало служба выборных подданных.

*

Сущность взглядов императрицы на реформы проступает повсюду в тексте *Учреждений о губерниях* 7 ноября 1775 г.⁶² И советский историк М. П. Павлова-

---

Johns Hopkins Press, 1970), 161–202. О состоянии советских исследований ср.: А. П. Пронштейн, А. А. Пушкарёнок, “Крестьянская война в России в 1773–1775 гг.: итоги и перспективы исследования,” *Вопросы истории* 8 (1971): 71–81. (А. П. Pronshtein, A. A. Pushkarenko, “Krest’ianskaia voina v Rossii v 1773–1775 gg.: itogi i perspektivy issledovaniia,” *Voprosy istorii* 8 (1971): 71–81); П. Г., Рындзюнский, М. А. Рахматуллин, “Некоторые итоги изучения крестьянской войны в России 1773–1775 гг.,” *История СССР* 2 (1972): 71–88. (P. G. Ryndziunskii, M. A. Rakhmatulin, “Nekotorye itogi izucheniia krest’ianskoi voiny v Rossii 1773–1775 gg.,” *Istoriia SSSR* 2 (1972): 71–88).

⁶⁰ Павлова-Сильванская, “Социальная сущность областной реформы Екатерины II,” 473. (Pavlova-Sil’vanskaia, “Sotsial’naia sushchnost’ oblastnoi reformy Ekateriny II,” 473).

⁶¹ Unno Ludvig Lehtonen, *Die polnischen Provinzen Rußlands unter Katharina II. in den Jahren 1772–1782: Versuch einer Darstellung der anfänglichen Beziehungen der russischen Regierung zu ihren polnischen Untertanen*. Aus dem finnischen Original übersetzt von Gustav Schmidt (Berlin: Georg Reimer, 1907), 273 и далее.

⁶² *ПСЗ РИ*, т. 20, № 14392. (*PSZ RI*, t. 20, no. 14392).

Сильванская, благодаря которой были изучены прежде неизвестные документы, не смогла по скудным в целом источникам доказать, что Екатерина или ее советники прислушались к требованиям дворян.⁶³ В докладных записках и рапортах высших чиновников времен пугачевского бунта речь идет о провинциальном дворянстве исключительно потому, что только оно рассматривалось как социальный материал для вывода расшатанной местной администрации из состояния агонии и разрушения. Ничто не свидетельствует о том, что дворянские собрания, выборы или решения “корпораций” должны были иметь какое-либо еще значение, кроме предоставления государству чиновников на нижние должности, ответственности за спокойствие и порядок в провинции, отправления в казну налогов и поставки рекрут. При этом, несомненно, императрица могла исходить из того, что дворяне-помещики разделяли высочайшее желание оздоровить положение дел в провинции. Частные интересы дворян состояли “в спокойствии и сохранении империи”; безопасность дворянства в обширной крестьянской стране опиралась лишь на авторитет государства. Смутные годы восстания обострили, должно быть, это понимание. Однако сделать на этой основе вывод о “союзе” между самодержавием и дворянством означало бы исказить исторические обстоятельства. Разумеется, Екатерина не могла править не принимая во внимание дворянство – это подточило бы фундамент ее государства, но этот класс подданных не был готов к сотрудничеству; эмансипация, которая сделала бы его достойным такого союза, не состоялась: этому противостоял крепостнический порядок. То, что было базисом социальных привилегий дворянства, оказалось одновременно самым крепким связующим средством для предотвращения его “освобождения.” Нельзя себе представить отделенное от государства русское дворянство. Поэтому императрица никогда и не видела необходимости определять государство как установление для защиты дворянского сословия. Она считала само собой разумеющимся, что подданный благородного происхождения, руководствуясь своим нравственным долгом, предоставлял себя в распоряжение монархини, отечества и всеобщего блага повсеместно, для любой цели. Здесь еще раз видно, что заимствованная из более ранней европейской истории понятийная пара “государство и общество” может быть перенесена в исторические условия России только с большими оговорками.

Когда стал вопрос о губернских учреждениях, Екатерина снова, как и за несколько лет до того, при рецепции Монтескье, переписала по-русски иностранные образцы. В отличие от ландратов лифляндского надворного суда, дворянские суды, установленные в 1775 г., не могли защищать интересы дворянского сословия перед государственной администрацией. Их роль как “*custodes privilegiorum nobilitatis*” была ограничена; власть губернатора была гарантией того, что дворянские верхний земский и уездный суды не столкнутся с государственными интересами.⁶⁴ Также и английские модели, найденные

⁶³ Павлова-Сильванская, “Социальная сущность областной реформы Екатерины II,” 460–491. (Pavlova-Sil'vanskaia, “Sotsial'naia sushchnost' oblastnoi reformy Ekateriny II,” 460–491).

⁶⁴ Ср.: John P. LeDonne, “The Judicial Reform of 1775 in Russia,” *JGO* 21 (1973): 29–45. – О роли губернаторов: И. Блинов, *Губернаторы. Историко-юридический очерк* (Санкт-Петербург: Типо-лит. К. Л. Пентковского, 1905). (I. Blinov, *Gubernatory. Istoriko-iuridicheskii ocherk* (St. Petersburg: Tipo-lit. K.L. Pentkovskogo, 1905)).

Екатериной в *Энциклопедии Дидро и Комментариях [на английские законы]*” Блэкстона, возможно было заимствовать только в сильно искаженной форме. Рекомендовавший подчинить административную власть судебной московский профессор С. Е. Десницкий не обрел в России воплощения своей схемы, созданной под влиянием английских правовых норм и опыта.⁶⁵ Хотя укомплектованные выборными заседателями от дворянства, городских жителей и государственных крестьян “совестные суды” *Учреждений о губерниях* восходили именно к этим импульсам, оказалось, что желание Екатерины предложить “руку помощи” “всеобщему человеколюбию” также и в судебных делах не пошло слишком далеко. Монархия сопротивлялась искушению придать совестному суду в столице институциональный фундамент на английский манер, превратить его в “Высший совестный суд,” который мог бы соперничать с правительством в обеспечении “благополучия подданных” и справедливости. Сенат как “*dépôt des lois*” и высшая апелляционная инстанция не смог стать заменой тому, что так и осталось невоплощенным. Генерал-прокурор в эти годы превратился в главу внутренней администрации империи, в министра внутренних дел и полиции, полнота власти которого не оставляла никакой возможности для независимого судопроизводства. Перенесение реформой делопроизводственного процесса некоторых коллегий из центра в казенные и судебные палаты губерний было новшеством, но в пользу не “безопасности граждан,” а должностной власти губернатора, и являлось перераспределением бюрократических функций, а не децентрализацией власти. И конечно, место, указанное новому земскому исправнику, во главе нижнего земского суда, не оставляло пространства для “*self-government*” дворянства в провинции. Этот избираемый уездным дворянством человек, чиновник IX класса, был подчинен губернскому правлению. Его особенность, состоявшая в “службе по выборам,” отличалась от карьеры, “службы по назначению,” только способом определения на должность и ограниченным временем службы, а не условиями какого-либо формулируемого задания или другими обязанностями, за которые этот выборный полицмейстер и судья отвечал бы перед своей корпорацией.

Новый вид службы – по выбору, – который впредь притягивал частных лиц благородного происхождения на места исправников, за столы нижних судов и в бесчисленные плохо оплачиваемые должности, был с самого начала неразрывно сплавлен с иерархией государственной администрации, полностью подчиняясь вышестоящим учреждениям. Право на существование дворянских обществ покоилось ни на чем ином, но лишь на обязанности обеспечивать новому порядку

---

⁶⁵ “Представление об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи,” *Записки Академии наук по ист.-фил. отд.* Серия 8, т. 7 (1905), № 4. (“*Predstavlenie ob uchrezhdenii zakonodatel’noi, suditel’noi i nakazatel’noi vlasti v Rossiiskoi imperii,*” *Zapiski Akademii nauk po ist.-fil. Otd.* Serii 8 t. 7 (1905), no. 4). См. об этом: Григорьев, *Реформа местного управления при Екатерине II*, 174–81. (Grigor’ev, *Reforma mestnogo upravleniia pri Ekaterine II*, 174–181); Готье, *История областного управления*, т. 2, 209 и далее. (Got’e, *Istoriia oblastnogo upravleniia v Rossii*, t. 2, 209 et seq.). – С. Е. Десницкий был автором первого русского перевода *Commentaries on the Laws of England: У. Блэкстон, Истолкования аглинских законов г. Блэкстона, переведенные по высочайшему повелению великой законодательницы всероссийской*. Кн. 1–3 (Москва: Унив. тип., у Н. Новикова, 1780–1782). (U. Blakston, *Istolkovaniia aglinskikh zakonov g. Blakstona, perevedennye po vysochaishemu poveleniiu velikoi zakonodatel’nitsy vserossiiskoi*. Кн. 1–3 (Moscow: Univ. tip., u N. Novikova, 1780–1782)).

управления адекватную систему рекрутирования чиновников путем периодических выборов. “Самоуправление” дворянского общества вряд ли могло основываться на дворянской опеке или на сотрудничестве с приказом общественного призрения. Также и дворянский предводитель, единственный сословный представитель дворянского уездного общества, все больше и больше встраивался в установленную государством пирамиду субординации. Круг задач, исполнять которые должны были предводители в рамках местного управления, превратил эту почетную сословную должность в институт, транслирующий губернаторскую власть. В обязанности предводителей дворянства входило приведение в согласие требований властей и местных возможностей. Возникает вопрос, могла ли вообще эта колеблющаяся фигура, находившаяся в переходной зоне между государством и “обществом,” содействовать дворянскому корпусу в превращении в самостоятельную силу. Однако независимо от этого, новая система местных должностей и судебных учреждений, с которой провинциальное дворянство было теперь скреплено, в немалой степени повлияла на дальнейшее развитие его социального устройства: для высшей власти существование местного управления и хотя бы минимальная способность к функционированию дворянских собраний стали необходимостью. Признав это через десять лет, 21 апреля 1785 г. Екатерина надолго закрепила дворянские общества в правовой форме, вытекавшей из государственных интересов.

Сделаю лишь несколько замечаний об учреждениях, предназначавшихся городам губернским законодательством 1775 г.⁶⁶ Предусматривалось, что разносторонность скрепления дворянства с местным управлением и здесь должна была найти формальное соответствие. В посадах учреждались ратуши, в более крупных городах – магистраты из выборных бургомистров и ратманов. В лице губернского магистрата эти судебные учреждения, подобные верхнему земскому суду у дворян, получили апелляционную инстанцию в столице губернии. Привычная юрисдикция словесных судов с выборными старостами была сохранена; к ним прибавились еще городские сиротские суды. Выборы происходили согласно “Обряду” 1766 г.; купечество и мещанство Екатерина объединила понятием “общество градское.” О неподвижности этого искусственного образования заботился городничий; он представлял собой квинтэссенцию всей конструкции: созданный по образцу земского исправника, наделенный исполнительными и полицейскими полномочиями, он являлся не продуктом городских выборов, но дворянским чиновником на регулярной службе. То есть власть над городом была отдана не “гражданину,” а благородному. Он имел полицейские полномочия над жителями города и должен был держать его общество в послушании. *Устав благочиния* 8 апреля 1782 г. укрепил эту власть.⁶⁷ Таким образом, гарантий длительной включенности города как административной и фискальной категории в государство было достаточно. Никакого процесса созревания “гражданской” самостоятельности нельзя было и представить.

⁶⁶ Мы не можем здесь подробно останавливаться на фарсе, устроенном из “расправ” для государственных крестьян. Ср.: М. П. Павлова-Сильванская, “Создание в 1775 году сословных судов для крестьян,” *Вестник МГУ. Серия 9, история* 3 (1963): 69–73. (M. P. Pavlova-Sil’vanskaia, “Sozdanie v 1775 godu soslovnykh sudov dlia krest’ian,” *Vestnik MGU. Seriiia 9, istoriia* 3 (1963): 69–73).

⁶⁷ *ПСЗ РИ*, т. 21, № 15447. (*PSZ RI*, t. 21, no. 15447).

Сложные учреждения, установленные в городах екатерининской *Жалованной грамотой* через десять лет после губернской реформы,⁶⁸ не должны были привести к эмансипации гражданского общества. Ни выборным общей думы, ни ее коммунальному органу – шестигласной думе – не было дано сплавить расписанное на шесть разрядов обывательской книги население в сословно устроенное гражданство. Городской голова, который руководил этим эфемерным образованием, не в состоянии был противостоять городничему. Даже преимущества, предоставленные состоятельному гильдейскому купечеству на основании избирательного ценза, не привели к расцвету городской экономики. В *Ремесленном положении* проявился тип мышления полицейского государства, не оставлявшего городу пространства для свободного движения. Новые общественные институты должны были нести обязанности и распределять повинности, но они не имели власти, чтобы защитить себя от назойливости государственных властей. Размышления над этим ограничительным законодательством приводят к выводу, что судьбы русских городов зависели от условий, находившихся за пределами городских ворот.

*

Это снова возвращает нас к дворянству. Немногое говорит в пользу того, что большинство дворян стремилось к независимости своего сословия от государства. Самодержавие и не готовило никогда ему такой судьбы. То, что позволяло дворянству жить в золотом веке, оказалось золотой клеткой со множеством замков. “Личные преимущества” дворянина, которыми Екатерина милостиво одарила благородное сословие по *Жалованной грамоте* 1785 г., представляются, наверное, самыми прочными засовами.⁶⁹ Здесь императрица следовала составленному еще в 1768 г. проекту [дворянских] привилегий, кодифицировав гарантии, накопленные за это время. Высочайшими распоряжениями были отменены все государственные регалии на помещичьи деревни и имущество, и право распоряжения помещиков своей собственностью, как земельной, так и человеческой, стало полным.⁷⁰ Гражданские же преимущества – свобода экономической деятельности и личная безопасность, которые помещик мог считать теперь личной собственностью в значении, придававшемся им римским правом, – как и прежде, оберегали фундаментальные цели государства. В частном бытии, в собственности и владении дворянина содержался государственный интерес; фискальный и полицейский институт крепостного права проникал в сферу дворянского частного права. Именно этот двойственный характер дворянской свободы избавил государство от необходимости внедрять собственные ведомства в помещичьи деревни. Статус частной обособленности помещичьего дворянства работал по аналогии с

---

⁶⁸ *ПСЗ РИ*, т. 22, № 16188. (*PSZ RI*, t. 22, no. 16188). См. об этом: А. А. Кизеветтер, *Городовое положение Екатерины II 1785 года* (Москва: Тип. Имп. Моск. ун-та, 1909). (А. А. Kizevetter, *Gorodovoe polozhenie Ekateriny II 1785 goda* (Moscow: Tip. Imp. Mosk. un-ta, 1909)).

⁶⁹ *ПСЗ РИ*, т. 22, № 16187. (*PSZ RI*, t. 22, no. 16187). См. об этом: Корф, *Дворянство и его сословное управление*, 136 и далее. (Korf, *Dvorianstvo i ego soslovnoe upravlenie*, 136 et seq.).

⁷⁰ В исследовании русского помещичьего хозяйства конца XVIII в. новые основы были положены следующей работой: Michael Confino, *Domaines et seigneurs en Russie vers la fin de XVIIIe siècle. Etude de structure agraires et des mentalités économiques* (Paris: Inst. d'études slaves, 1963).

общественно-правовым институтом, обеспечивая подчинение крепостного населения государственным нуждам. Через помещиков, в которых соединились частные интересы и функции в “общественной сфере,” рука государства достигала до крестьянских изб. Это было смыслом дворянских привилегий. Если власть помещиков в условиях крепостного порядка потому оставалась незаменимой для государства, что дворянство выполняло в деревне полицейские функции, то это сословие представляло собой немалый потенциал и для низших должностей и судов. Сцеплению провинциального дворянства с губернскими учреждениями не сопутствовала мысль о том, что государственные учреждения на локальном уровне должны быть основаны на дворянском сословии как “*constituted body.*” Укрепляя крепостное право и проводя реформу 1775 г., самодержавие признавало, что оно не в состоянии заместить корпус дворян-помещиков корпусом чиновников, обязанных только государству.

Жалованная грамота 1785 г. стремилась компенсировать этот дефицит дополнительными мерами: ее корпоративные установления были направлены на то, чтобы придать единую законодательную форму дворянскому “обществу” как средству производства государственных слуг для провинции. Теперь это общество, прежде ограниченное уездами, было распространено на вновь учрежденные губернии, равные примерно по величине прежним провинциям. Соответственно, уездные дворянские собрания объединялись в собрания губернского дворянства. Корпоративные институты были перенесены в места пребывания губернских правлений. Там “общество” имело право владеть домом, содержать архив и иметь собственную печать; текущими делами занимался секретарь на жаловании. Губернатор имел право утверждать предводителя дворянства из двух предложенных кандидатов и созывал дворянскую корпорацию губернии раз в три года в зимнее время для выборов. Дворянин вынужден был изыскивать в своем хозяйстве не менее 100 рублей дохода в год, если он хотел не только присутствовать на собраниях, но и голосовать. Те, кому было менее 25 лет, кто никогда не состоял на службе, или служил, но не получил обер-офицерского чина, не имел избирательного права. Итак, полностью сословные права можно было получить только на службе, только офицерские эполеты делали дворянина “совершеннолетним” гражданином дворянского общества. Значение личных заслуг все еще было выше тех достоинств благородного происхождения, которые передавались по наследству. Имена и собственность же не были определяющими для корпоративного достоинства. Низкий имущественный ценз подчеркивал, что монархия брала в расчет и бедное дворянство. В преамбуле к *Жалованной грамоте* звучала хвалебная песнь о заслугах благородного сословия на протяжении блестящей восьмисотлетней истории империи; но это “похвальное слово” не скрывало высочайшего мнения, что наследственное достоинство должно будет и впредь в каждом случае заново выдерживать испытание на преданность государству.

По сравнению с государственными обязанностями, которые должно было нести “общество,” рамки для развития сословной деятельности были очень ограничены. Наряду с деятельностью по выборам предводителей дворянства, в качестве постоянных областей самостоятельной деятельности этой корпорации отводились забота о дворянских вдовах и сиротах и ведение родословных книг, причем последнее было вспомогательной службой для Герольдии в Петербурге и

архивов губернских правлений. Кроме того, дворянским собраниям было позволено представлять генерал-губернатору или губернатору о своих общих нуждах и требованиях. “Представления и жалобы” было разрешено передавать – “на законном основании” – также в Сенат и императрице посредством депутатов. Сомнительно, что такие неопределенные обещания воплощались на практике. Важнейшее назначение “общества” все же состояло в предписанных выборах на местные должности: десяти заседателей для дворянского верхнего земского суда, двух для совестного суда, земского исправника и уездного судьи и еще по двум дворянским заседателям в каждом уезде, кроме того, маршалов и хранителей дворянских книг, – целый набор местных должностей открывался для членов общества, а губернатор был обязан не отказывать в утверждении в должности выбранных лиц, если за ними не было известно “явного порока.”

Ввиду такого количества должностей странно, что эксперименту Екатерины по укреплению государства посредством организации сословных обществ не сопутствовал ощутимый успех. Несмотря на новые учреждения, старые привычные беды управления и суда продолжали жить еще годы. Делопроизводство, как и прежде, накрепко замораживалось по усмотрению нижних чиновников или дремало в самотеке взяточничества – одного из немногих подвижных элементов этой “государственной машины.” Усиление повсюду бюрократического формализма сделало очевидным лишь новый аспект того непредсказуемого, произвольного правления, которое было свойственно уже прежним учреждениям времен воеводского устройства. Применяя масштабы Пруссии Фридриха II или Австрии Иосифа II, нельзя сказать, что российский государственный абсолютизм совершенствовался во время долгого правления Екатерины. Хотя новый способ рекрутирования мобилизовывал, как правило, необходимое число выборных государственных служащих, этот метод был все же сомнительной заменой такого инструментария, как чиновничество, доступного в других странах абсолютистской государственной власти.

В научной исторической литературе царит согласие в том, что помещикам, жившим обособленной частной жизнью, службы по выбору, корпоративные учреждения вообще, давали минимальный стимул участвовать в них. Было широко распространено недовольство новыми притязаниями. С этим совпадало еще многое. Постоянное отсутствие прежде всего состоятельных господ, избегавших “общества” и проводивших “сезон” в столицах, где их никто не принуждал сидеть за одним столом с людьми низших рангов, действовало парализующе. Сознание принадлежности к благородному сословию коренилось не в принадлежности к местному дворянскому корпусу, а в ранге и состоянии, в близости ко двору и его “сферам.”⁷¹ В имениях бывали наездами, но в них не жили. “Оседлость” в провинции была знаком плохого жизненного вкуса, скудных средств, прерванных карьер. Однако и собственно провинциальное дворянство вело себя безучастно. Эти явления вряд ли можно назвать разочарованием,

---

⁷¹ О том, что были исключения, связанные с ориентацией на более ранний европейский идеал дворянства, свидетельствует позиция князя М. М. Щербатова; см.: *Сочинения князя М. М. Щербатова* т. 1–2 (Санкт-Петербург: Изд. кн. Б. С. Щербатова, 1896–1898); М. М. Щербатов, *Неизданные сочинения* (Москва: Соцэргиз, 1935). (*Sochineniia kniazia M. M. Shcherbatova* t. 1–2 (St. Petersburg: Izd. Kn. B. S. Shcherbatova, 1896–1898); M. M. Shcherbatov, *Neizdannye sochineniia* (Moscow: Sotsekgiz, 1935)). Ср. также: Georg Sacke, “Fürst M. Ščerbatov und seine Schriften,” *Zeitschrift für Slavische Philologie* 16 (1939): 353–361.

поскольку последнее подразумевает ожидания, а их, вероятно, даже и не возникало. В большинстве случаев только бедные, рассчитывающие на дополнительный доход дворяне, проявляли интерес к выборным должностям. Чувство всеобщего равнодушия отступало разве только во время баллов и приемов, которые устраивал для “обществ” предводитель дворянства во время выборов. Тот факт, что и в будущем корпоративная энергия не перетекла к государству, следует объяснять не только значительной властью губернатора. Большое значение имело то обстоятельство, что должности, предлагавшиеся дворянам, занимали очень низкую позицию в Табели о рангах. Так, земский исправник получал ранг, который вряд ли привлек бы наследного дворянина на регулярной службе. Будучи главой всего уезда, он состоял в ранге ниже городничего,⁷² в то время как город был местом пребывания его ведомства; все чиновники губернского правления, включая ассессоров, имели преимущество перед ним. За исключением предводителя дворянства, бывшего по рангу ниже, чем губернатор, представители провинциального дворянства не в состоянии были утвердиться в переплетении превосходящих их должностей и рангов. Дворянин формировал свою идентичность не на местной службе по выбору, не в кругу местного общества, а как и прежде – делая карьеру офицера. Все, кто был пригоден и имел сносное образование, стремились – по крайней мере, в молодые годы и хотя бы на какое-то время – прочь из провинции, туда, где с помощью таланта и фортуны мог бы открыться “большой мир.”⁷³

*

Было бы заблуждением отрицать, что основанная Екатериной система связей между дворянским обществом и государственным управлением несмотря на ее недостатки (и благодаря им) была непривычно крепко выстроена. До середины следующего века и дальше Российская империя основывалась на этом фундаменте, но сама структура не способствовала ее движению вперед. Хотя связь местных властей с помещичьей крепостной экономикой и ее организацией в провинции препятствовала возникновению дуализма между государством и “обществом,” тому, чтобы дворянство отвернулось от государства и его институтов, она все же привела к тому, что абсолютизм надолго загородил себе путь к модернизации социальных отношений. Стало еще труднее, чем прежде, освободить государство от привилегий и интересов класса дворянских подданных. Наследие Екатерины позволило строить государство только в одном направлении: через дальнейшее согласование государственных и помещичьих интересов, но не через революционную силу корпуса профессиональных чиновников новой эпохи, который мог бы объединить сословия государства в

⁷² Согласно *Учреждениям о губерниях 1775 г.*, губернатор должен был иметь ранг не ниже 4 класса (ст. 47), а дворянский предводитель – не ниже 7 класса (ст. 50); городничий – не ниже 8 класса (ст. 51), а земский исправник – не ниже 9 (ст. 52) (прим. перев.).

⁷³ Рост самосознания дворян на государственной службе показал Марк Раев в своей богатой мыслями статье: Marc Raeff, “Staatsdienst, Außenpolitik und Ideologien. Die Rolle der Institutionen in der geistigen Entwicklung des russischen Adels im 18. Jahrhundert,” *JGO* 7 (1959): 147-81, зд. 155 и далее. По проблеме государственной службы в целом см. новую добротную работу: Hans-Joachim Torke, “Das russische Beamtentum in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts,” *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte* 13 (1967): 7-345.

национальное гражданское общество. Дальнейшее существование крепостничества, означавшее одновременно неэффективность провинциальной администрации, было основополагающим для этой системы. Из этого сцепления становится понятной слабость развития, отсутствие у абсолютистского государства способности к регенерации. В последовавшие беспокойные десятилетия Россия, казалось, потеряла способность к движению, стоя на фундаменте, зацементированном в 1775 и 1785 гг. Результатом правления Екатерины стала в дальнейшем обусловленность всякой реформы государственного управления коренной реформой социального устройства, и наоборот: для каждой значительной социальной реформы требовалась впредь одновременная перестройка государственной системы управления. С неизбежностью это вело к тому, что все попытки справиться с внутренними недостатками через вмешательство сверху неизбежно оборачивались против дворянства.

Еще уходящий XVIII век, противопоставивший России европейской революционной эпохе, со своей диалектикой общественного устройства и государственной власти, показал необходимость более глубоких реформ и передал это сознание последующим поколениям. В этом аспекте заново должно быть оценено правление Павла I. Тот, кто смотрит на планы реформ и усилия времен Александра I и Николая I, понимает, сколько зависело тогда от высвобождения государственной власти в провинции из скрепления с дворянским землевладением и разрешения государства от господствовавшего бремени крепостничества. Это, однако, могло удасться только тогда, когда отношения крестьян и помещиков стало возможным сформулировать как договорные и частноправовые, поднять крепостное население до состояния правоспособного класса подданных, поставить полицейскую и судебную власть в сельской местности в зависимость не от собственности, а от государственных интересов. Впрочем, и тогда остался открытым вопрос, кому следует занять место провинциального дворянства: профессиональному, свободному от дворянских потребностей чиновничьему корпусу (который в России начал постепенно появляться только в министерствах времен Александра I) или гражданам государства, преодолевающим узкие рамки социального устройства, новому обществу, которое было бы готово перейти сословные границы и найти соответствие между государственной сферой и самоуправлением. Вплоть до Крымской войны, времени глубокого политического перелома на Западе и скорых социальных изменений, происходивших также и в России, самодержавие не пошло на этот большой шаг, сделать который оно было призвано как никто другой. Препятствование “революции сверху,” которая неизбежно изменила бы государство и общество, имело свою причину. Когда при Александре II пришло ее время, стало очевидным, что проблема сжалась всего до одного фатального утверждения: в своем стремлении выжить старый порядок был вынужден отказаться от предпосылок собственного существования.